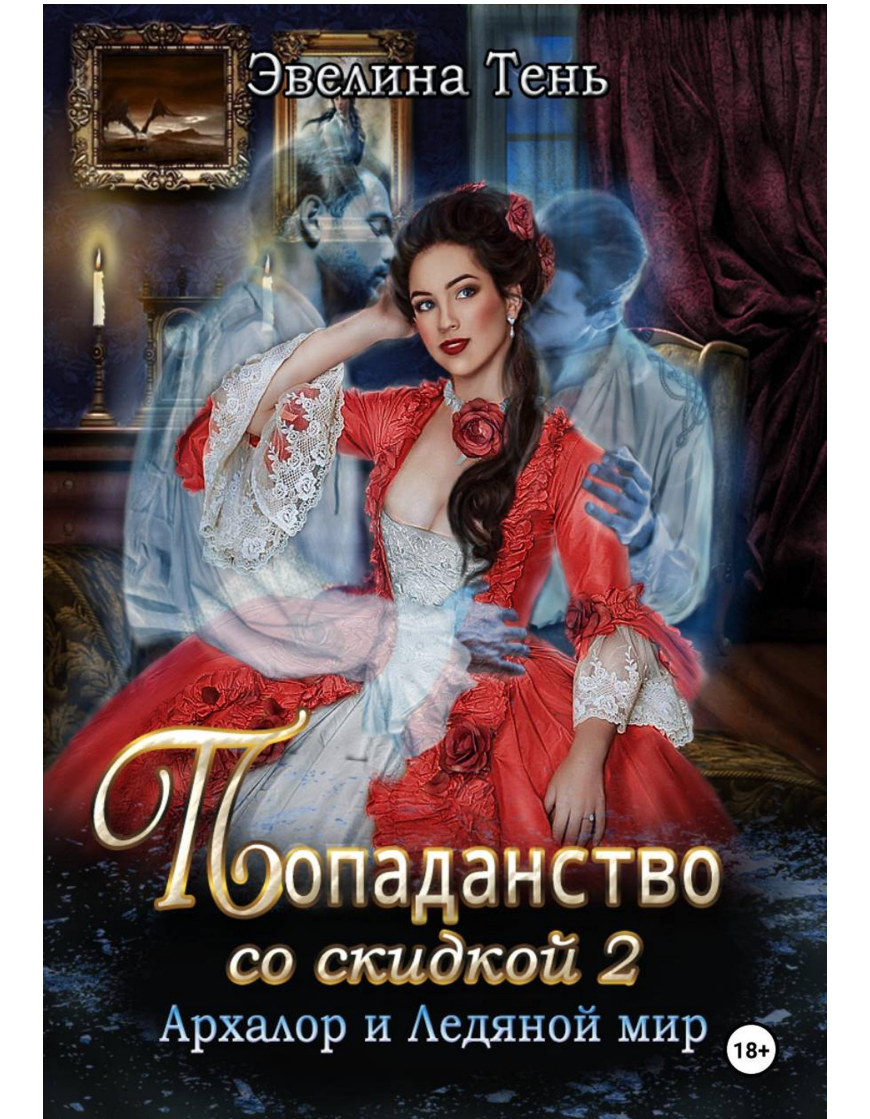

Эвелина Тень

Попаданство
со скидкой 2

Архалор и Ледяной мир

18+

Эвелина Тень

Попаданство со скидкой - 2. Архалор и Ледяной мир

<https://litres.ru/74495473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не знаете, куда и податься в заслуженный отпуск? Да так, чтобы было потом о чём вспомнить? К вашим услугам новый вид туризма - попадан-путешествия "всё включено" в любую реальность на выбор. Никаких длительных перелётов, проблем с багажом, толкучки и очередей на границе! Стопроцентная конфиденциальность! Гарантированные романтические знакомства на любой вкус! Обязательная медицинская страховка сделает вашу поездку абсолютно безопасной, а небольшая доплата даст почувствовать себя настоящей волшебницей! Торопитесь, "наши" уже "там". И отдыхают по полной!

Известно, что красота – это страшная сила, а соотечественники на отдыхе – чуть ли не стихийное бедствие. А если их ещё и объединить?! Нет на свете мощи сокрушительнее, чем русская женщина в отпуске, вознамерившаяся во что бы то ни стало полноценно и со вкусом отдохнуть. Мир Кальдастории

уже пал к ногам обворожительной попаданки, теперь на очереди
Ледяной мир Ну, берегись!

Эвелина Тень

Попаданство со скидкой - 2. Архалор и Ледяной мир

Часть первая

АРХАЛОР

Я всегда знала, что умница и красавица, тут даже без вариантов, но то, что я ко всем прочим своим достоинствам еще и гениальный целитель, выяснилось только в мире под номером сто шестьдесят девять.

Не знаю, были ли причиной встроенная при переходе согласно договору оплаченная опция, всесильная магия виллардов или мой собственный природный талант, в который я все сильнее и искреннее начинала верить, но наследница рода дер Грандер-Стант, пребывающая больше года в забвении — а по-нашему, так похоже, что в коме, — была возвращена к полноценной жизни менее чем за полчаса. Да и то я процесс растянула подольше, испугавшись скорости, с которой наливались соками ее ослабевшие мышцы и увядшее лицо. Так что когда девушка наконец глубоко вздохнула и распахнула оказавшиеся кобальтово-синими глаза, ничто в ее облике не напоминало ту подсохшую бледную немочь, что изрядно ужаснула меня при входе в комнату.

Граф дер Грандер-Стант, ничуть не стесняясь, на коленях рыдал перед мало что понимающей спросонья дочерью и пылко целовал ей руки. Потом неожиданно решил, что той еще необходим покой, и переключился на меня: в смысле, экспрессивно и тщательно вытирал свою мокрую от слез (я усиленно внушала себе, что именно и исключительно от слез, а не еще от чего-нибудь), счастливую и потрясенную физиономию о мои пальцы, при этом оглушительно причмокивая. Между чмоками и счастливыми взрыдываниями мне все-таки удалось разобрать заверения в том, что граф теперь навечно мой должник, и внушающее оптимизм обещание исполнить все, что только пожелаю.

Для начала я пожелала крепкой настойки. Следовало нервное напряжение снять и само знаменательное событие отметить. Все ж таки я не каждый день людей к жизни возвращаю! Хм... тут я призадумалась. Или каждый?! Вчера вот туземку от черницы исцелила, позавчера вилларда от верной смерти спасла. Ой, мамочки! Я реально пошатнулась, оценив масштабы своей вспомогательной деятельности. Нет, с целеустремленностью надо завязывать, у меня же секс-тур, а не медико-оздоровительный! Я тут же взяла с графа клятву не разглашать подробностей выздоровления его дочери. Тот, правда, очень удивился, призывал Богиню и, наоборот, рвался оказать мне всяческую протекцию и рекламу в этом плане среди аристократов, но я была непреклонна. Это чтобы я весь отпуск семейным врачом проработала?! Как наяву слы-

шу издевательский хохот Зинаиды Петровны! Ведь именно по рекомендации своего непосредственного руководителя я и рискнула впервые провести отпуск в другой реальности, да еще и придать отдыху эротическую направленность. Повезло воспользоваться скидочной акцией «Два мира по цене одного» и за приемлемые деньги стать обладательницей тура не только в Кальдасторию, но и в идущий к ней в нагрузку Ледяной мир. Несмотря на определенные бытовые неудобства, попадан-путешествие в целом меня пока радовало: благодаря выразительному бюсту я считалась в мире сто шестьдесят девять, в котором сейчас находилась, неотразимой и непревзойденной красавицей, а романтическая встреча с представителем волшебного народа виллардов активировала мои целительские способности, сделав их намного ярче и сильнее, чем оплаченный по договору базис.

После крепкой настойки, графин которой мы с дер Грандер-Стантом распили на двоих сразу по выходе от его дочери, оставленной на попечение служанки, в мозгах внезапно прояснилось, и я смогла приступить к обсуждению платы за свои услуги. К сожалению, на графа настойка своего отрезвляющего действия не оказала, отчего он, захмелевший еще от нежданно свалившегося на него счастья, к концу нашего импровизированного междусобойчика совсем потерялся. Повторял беспрестанно с пьяной щедростью, что премного мне обязан, но никак эти обязательства в материальном плане не конкретизировал. Поэтому, когда он в пятый раз по-

тянулся ко мне целовать ручки, при этом как бы незаметно утираясь моим же собственным подолом, я несколько раздраженно передала местного аристократа его камердинеру и задумалась, что мне делать.

Оказалось — и это явилось приятным сюрпризом — что до того, как наклюкаться, граф объявил меня своей гостьей и распорядился подготовить мне комнаты. Ну, предполагал, должно быть, что целительство затянется дольше чем на полчаса. Кроме того, мне передали весьма увесистый кошель с деньгами, который вернул мне ненадолго утерянное душевное равновесие.

В общем-то после этого я хотела покинуть дом Грандер-Стантов, но дворецкий умолил меня остаться, уверяя, что граф очень огорчится, когда проспи... хм, отдохнет, а меня не обнаружит. Что ж, выделенные мне апартаменты меня вполне устроили: небольшая приемная (как я ее называю), спальня и — о радость! — полноценная ванная комната. Вместо современной керамической ванны в ней, правда, стояла высокая деревянная лохань, но не называть же из-за этого комнату лоханной?

Последний факт положил конец моим сомнениям. После недели ночевки в гостиницах и на постоялых дворах очень хотелось пожить в нормальном доме. Вспомнить, что я все-таки мадам. Да еще в отпуске. К тому же я подозревала, что граф отдал приказ меня из особняка не выпускать, пока не будет уверен, что его дочь окончательно выздоровела.

Я бы, по крайней мере, на его месте так и поступила: мы же с ним никакого договора не подписали, ответственности сторон не предусмотрели, какие гарантии, что мой целительский эффект долговечен? Вдруг я уйду, унеся с собой кошель с калдасторскими бито-королями, а наутро наследница рода опять... задремлет?

Так что я решила воспользоваться предложенным гостеприимством и в первую очередь тщательно и со вкусом вымыться. Смыть с себя, так сказать, пыль странствий, следы тревог и усталости и память от прикосновений этих... моих недолгих повелителей. Я расхихикалась при воспоминаниях об аукционе наиле и с удовольствием (и особым старанием) намылила руки, плечи и конечно же бюст.

Тихий отдых после недели скитаний и стремительного вводного курса в реалии мира номер сто шестьдесят девять был настолько прекрасен, что я не торопилась покидать ванную комнату и провела там не меньше часа. Осознав, что домылась уже до скрипа не только волос, но и кожи, я завернулась в огромное полотенце, больше похожее на простыню, и, пройдя в спальню, с протяжным вздохом разлеглась на кровати. Нет, понятно, что расточительно тратить время на дневной сон, но... я же в отпуске или как?

Едва я сомкнула веки, как раздался вежливый, но отчетливый стук в дверь. Ну вот прямо мысль мою отловили и тут же решили побеспокоить, чтобы мне не было стыдно перед собой за безделье.

— Да? — Я села в кровати, проверив, надежно ли укрывает меня махровая (или типа того) простыня от нескромных взглядов. — Войдите!

— Мадам, — в комнату с поклоном вошла девушка, та же, что открыла мне дверь в особняк дер Грандер-Стантов, — его сиятельство шлет вам свое почтение и спрашивает, когда вы хотели бы с ним пообедать и обсудить планы.

— Что за сиятельство? — не поняла я, изогнув бровь.

Служанка (в ее статусе я сомневалась: то ли горничная, то ли еще кто, со всей определенностью не скажу. У меня-то в нашем мире с личной прислугой была напряженка, так, клининговая компания по договору работала раз в неделю, и все, так что с классификатором подобных профессий я была незнакома) моргнула растерянно и на всякий случай присела в книксене. Я, кстати, взяла это движение на заметку: раньше его как-то не наблюдала вживую, понятное дело, а в этом полусредневековом мире вполне может пригодиться. Хм, так вот как надо приседать правильно! Справлюсь легко, сомнений нет. Я же, как и большинство офисных работников, регулярно и усердно посещаю спортзал, а тут нагрузки на мышцы почти никакой! Хмыкнула снисходительно, и это заставило девушку поторопиться с ответом.

— Граф дер Грандер-Стант просит вас назначить время обеда, — выдала она с недоумением.

А, граф! Ну и сказала бы прямо, а то напридумывали тут всяких сиятельств да светлостей, без дешифровальной таб-

лицы не разберешься! Тьфу! Понимаю, что те же обращения существовали и в моей реальности, раз так мой внутренний переводчик мне перевел, но — подчеркну! — исторические постановки никогда не были моей сильной стороной.

— Сиятельство, значит, — пробормотала, нахмурившись, и служанка покосилась на меня боязливо. Мой мрачный вид, однако, не имел лично к Грандер-Станту и уж тем более к его служанке никакого отношения: просто я опять с печалью вспомнила, что являюсь всего лишь собачковой Альдой в мире светлостей и сиятельств. Хм... Ладно хоть фамилию у местного герцога удачно позаимствовала, а то бы вообще чувствовала себя как учительница начальных классов на светском празднике в столичном «Гараже». Интеллигентно, скромненько и... пипец как неудобно.

— Да, мадам. — Девушка опять сделала книксен, а мои мысли — новый виток. Решено, тоже придумаю себе какое-нибудь почтительно-уважительное обращение. «Мадам» стало мне уже маловато.

Что же выбрать? Что же выбрать? На ум вдруг пришел кинохит всех времен и народов, и я весело захихикала.

Служанка вежливо и терпеливо переждала взрыв моих эмоций.

— Что передать господину графу, мадам? — поинтересовалась она, когда я чуток затихла.

— Передайте, что согласна хоть сейчас, — ответила. Оглядела себя, подумала и исправилась: — Но лучше через

полчаса, чтобы я смогла одеться.

Да, в одежде обед пройдет как-то более... цивилизованно. Все-таки хозяин — сиятельство, тьфу на эти титулы!

— Хорошо, мадам. — Девушка вновь присела. — Я могу вам помочь привести себя в порядок?

— Нет, я сама, — отказалась, памятуя неадекватную реакцию на себя местных жителей. Позже, может, попривыкну и к реакции, и к прислуге, а пока... привычка к самостоятельности берет свое.

Служанка посмотрела на меня удивленно, даже с легкой обидой, которую она, правда, тут же скрыла, поклонившись особенно почтительно. Посчитала, что я ею пренебрегла, что ли? Фиг разберешь эту их феодальную психологию.

— Как угодно, мадам, — сказала девушка и добавила: — Зайду за вами через полчаса.

Я едва дождалась, пока служанка бесшумно затворит за собой дверь, и сорвалась с кровати, скидывая простыню и устремляясь к своим вещам. Так... что же надеть? Что надеть? Извечный женский вопрос! Хорошо мужчинам: поутру шкаф открыл, что выпало — то и надел, а нам?! Мучаешься, думаешь, планируешь, сочетаешь, дополняешь, отвергаешь и снова ищешь, ищешь, ищешь... свой неповторимый стиль, подходящий случаю «лук» и идеальное сочетание деталей.

Я перевела взгляд на кучку моей собственности в мире сто шестьдесят девять, и возвышенный внутренний монолог на тему моды и креативного подхода к внешнему виду угас сам

собой. Ну, реально выбирать я могу только из шортиков и чулок, да и то сложностей с определением никаких — остаюсь на чистых и свежих. А дальше... есть единственное платье, купленное Дитрихом, и к нему не слишком подходящий, но тактически важный воротник-пелерина от предыдущего комплекта. Я, похмыкивая, оделась и закрепила не до конца просохшие волосы в узел на затылке. Не самая привлекательная для меня прическа, но я же здесь целительница, так что вряд ли Грандер-Стант станет чересчур придирчив к спасительнице своей дочери, да и вообще... Сделала шаг к напольному зеркалу, отразившему меня в полный рост. Закрытый воротник-пелерину к домашнему обеду однозначно не надевают, так что графу есть на что отвлечься от моих мокрых волос. Довольно улыбнулась. Декольте на маловыразительном платье — Дитрих специально мне такое купил, стопроцентно! — небольшое, скромное, но все равно и оно и облегающая ткань весьма убедительно намекают на то, что я суперкрасавица по местным меркам.

Я победно подмигнула своему отражению и величественной поступью направилась к двери. На полпути озаботилась, правда, что идти уж слишком комфортно. А, ну да. Забыла обувь надеть. Я вернулась и едва сунула ноги в башмачки, как после вежливого стука в комнате вновь материализовалась местная прислуга.

— Мадам, разрешите проводить вас до столовой, — с очередным приседом сказала она, и я кивнула очень по-мадам-

ски:

— Разрешаю.

В душе умилилась такому уважительному отношению: и прислуга отлично вышколена и крайне ко мне почтительна, и граф попросил меня назначить время обеда, а не распорядился, как хозяин. Вот все-таки могут же! А то я тут после недели приключений в качестве наиле едва не разочаровалась в воспитании аборигенов! Или у них от моей... хм, красоты башню начисто сносит, тут уже не до манер?

За этими глубокими философскими размышлениями не заметила, как мы достигли пункта назначения.

Граф не то чтобы культурно поднялся при моем появлении, он вообще не сажился, стоя у стола и выжидающе (и с волнением) нас высматривая.

— Ваше сиятельство. — Я проделала подсмотренный у служанки книксен.

Графу этого полуприседа по статусу достаточно или надо поклониться поглубже? Ой, да ну на фиг, вдруг еще мне в декольте заглянет, а я надеюсь на обстоятельную, адекватную беседу.

— Мадам, счастлив вас видеть. — Граф бросил взгляд на мое платье, моргнул, не доверяя зрению, и оттого с поклоном несколько подзадержался. Спohватился и поклонился крайне учтиво.

— Прошу вас к столу, мадам, — пригласил он и самолично, несмотря на присутствие целой команды лакеев, стул мне

отодвинул.

— Называйте меня «ваша прелесть», — любезно улыбаясь, попросила я.

Граф, шедший к своему месту во главе стола, споткнулся.

— Моя прелесть, мадам? — переспросил он, стараясь в меру светского воспитания не слишком демонстрировать свое удивление.

Я хихикнула. Ну да, в оригинале так и звучало — «моя прелесть», но произносить следует с большим чувством и первую гласную в слове «пре-е-елость» тянуть подольше.

— Нет, ваша прелесть, — терпеливо пояснила я, — это обращение такое. Как к вам «ваше сиятельство», так ко мне — «ваша прелесть».

Ну а что? Чем не обращение? И я так со значением грудь горделиво выпятила. Дер Грандер-Стант задумчиво на нее посмотрел и, прокашлявшись, сказал:

— Конечно, мадам. Ваша прелесть.

Вот! Ни в чем не может отказать спасительнице дочери, как и думала. Я улыбнулась одобрительно и перевела заинтересованный взгляд на накрытый к обеду стол.

О, какое облегчение! Ни одного блюда психоделической расцветки! И ничего кашеобразного или комковидного! Все вполне узнаваемо и на глаз съедобное, аппетитное даже!

Дер Грандер-Стант мою гастрономическую любознательность оценил и, сделав какие-то свои выводы, поспешно сказал:

— Грюдендарф подадут с минуты на минуту, мадам. Его только что доставили из лучшего магазина с площади Возмездия и сейчас сервируют согласно вашему высокому положению. — Он подумал и добавил льстиво: — Ваша прелесть.

Тьфу! При упоминании о местном национальном блюде для женщин меня реально перекосило, даже недавно обретенный статус «прелести» не удержал от гримасы. Да и название площади, на которой его купили — Возмездия, — внушало определенную настороженность. Я понимаю, что для аборигенов в этом есть символизм, но... мне опять этой гадостью давиться?! Чего ради?

— Не нужно, — торопливо и уверенно заявила я и, отловив растерянность на слегка помятом от неожиданного исцеления дочери и последующей за этим импровизированной мини-пьянки лице графа, пояснила доходчиво: — Я же целитель. Поддерживаю себя в оптимальной форме самостоятельно.

В глазах Грандер-Станта отразились понимание, бурный восторг и даже благоговение.

— Конечно, мадам, ваша прелесть, — сбивчиво проговорил он и ручкой этак элегантно махнул (я залюбовалась), поспешно отсылая обратно на кухню показавшегося в дверях лакея с веселеньким (я вздрогнула) изумрудно-фиолетовым месивом на серебряном блюде.

Перевела дыхание с невольным облегчением. Сделала это экспрессивно и машинально, не подумав. И тут же осознала

свою ошибку, заметив, как медленно, но верно стекленеет взгляд графа, метнувшийся к... дарам Богини.

— Хм... ваше свинятельство, — недовольно нахмурилась я и предупреждающе ножичком о бокал с водой постучала: дзинь-дзинь. Ну, это чтобы внимание Грандер-Станта переключить и осмысленность на физиономию вернуть, пока не поздно.

— Моя прелесть? — рассеянно и беспомощно откликнулся господин граф.

— Ваша, — поправила его.

— Моя?! — наивно обрадовался он, и я злобно топнула каблуком по полу.

Тьфу! «Ваша прелесть» обращаться ко мне надо, вот что я имела в виду!

Подняла с колен красивую льняную салфетку и решительно себе ее на шею повязала. Ну чисто как слюнвячик в детском саду! Образ ни разу не мадамский и совсем не прелестный, но что делать, если иначе с местным населением поговорить адекватно невозможно? И это я еще в весьма скромном платье! Не понимаю, у графа рентгеновское зрение, что ли, как он... хм, мою красоту высмотреть сумел?

— Так лучше? — спросила ворчливо и с удовлетворением отметила, как зарделся дер Грандер-Стант.

Я хмыкнула. Нет, серьезно, никогда не видела, чтобы мужчина его возраста, комплекции и довольно высокого положения заливался нежнейшим, прямо-таки рассветным ру-

мянчиком.

— Мадам, извините мою рассеянность и недостойную хозяина невнимательность, — заговорил граф с учтивым кивком, — прошу вас, приступайте к обеду.

А! Ну точно. Судя по развернутой, внятной реплике дер Грандер-Станта украсить себя салфеткой было тактически верным решением для проведения дипломатических переговоров. Так что да, с салфеткой определенно лучше.

Я дождалась, пока лакей положит мне на тарелку пару кусочков чего-то, оптимистично напоминающего изысканный мясной рулет, и с удовольствием последовала призыву графа. Мы провели некоторое время в молчании: я вовсю компенсировала издержки дорожной жизни последней недели, стремясь попробовать как можно больше блюд, а граф наблюдал за мной со странным выражением лица: то ли вежливо переживал, пока я насыщусь, то ли гадал, не помешало ли ему неожиданное сокровище, ныне скромно прикрытое белоснежной салфеткой. В общем, хотя граф и старался придерживаться светских норм поведения и не слишком на меня пялиться, его взгляд, то и дело возвращающийся к... хм, салфетке, выдавал его заинтригованность. Что ж, я графа тоже порассматривала. И оценила. В этом смысле. И хотя дер Грандер-Стант был еще не стар и благодаря приличному материальному положению выглядел весьма ухоженно, я поставила, хоть и с сожалением, минус напротив его фамилии. И дело было не столько в наличии взрослой двадца-

тилетней дочери, а в том прискорбном факте, что мои понятия о профессионализме, как оказалось, перекачевали вместе со мной и в мир под номером сто шестьдесят девять. Поясню доходчиво: я не завожу шашни с клиентами. Моя работа в управлении требует ясности, объективности и полнейшей беспристрастности. Ставить ее под сомнение, принимая ухаживания заинтересованных лиц, это... глупо подставляться. И если аналитик после выполнения договора еще мог бы подумать о продолжении знакомства в личном плане, то к профессиональной этике медицинского работника, в шкуре... мм... форменном халате?.. которого я неожиданно очутилась, по моему мнению, требования должны быть еще строже. Так что... я вошла в этот дом лекарем, лекарем же его и покину. С того момента, как я взяла у графа плату за свои услуги, у нас с ним могло быть только деловое партнерство.

Я покосилась на представительного мужчину напротив и вздохнула расстроено. Нет, с целительством надо завязывать однозначно, а то весь отпуск пойдет насмарку! Как я буду смотреть в глаза Зинаиде Петровне?! Ощувив весь обжигающий стыд подобного бесславного возвращения в родное управление, я не удержала сокрушенно-горестного возгласа, и дер Грандер-Стант воспринял его как окончание основной трапезы и возможность завести светскую беседу.

— Мне не выразить словами, мадам, как я благодарен вам за спасение дочери, — кашлянув, взволнованным голосом заговорил граф.

— Ерунда, ваше свинятельство, — легко отмахнулась я. Ой, ну в самом деле! Слова меня никогда особо и не интересовали. Всегда предпочитала благодарность в материальном выражении, но — перед моим мысленным взором соблазнительно мелькнул увесистый кошель с монетами — ее от графа мне уже передали.

— И это когда все столичные целители отказались от нее! — Дер Грандер-Стант экспрессивно взмахнул руками, и я нахмурилась. Даже так? Хм, может, тогда потребовать премиальных? А что? Денег много не бывает, даже если это незнакомая мне национальная валюта.

— Мадам, ваша прелесть, — граф перегнулся через стол и сграбастал мою ручку с явным и настораживающим намерением ее в очередной раз облобызать, — я у вас в неоплатном долгу! Располагайте мной всецело!

Ой, мамочки! Я непреклонно руку свою из захвата высвободила. Понимаю, конечно, что он весь на эмоциях, но сколько уже можно мне пальцы слюнявить?! У меня хоть и супериммунитет, но у них тут почти дикое средневековье, микробов полно, наверное... В общем, неприятно. И антибактериальных салфеток нет, как назло! Ладно, хоть обычной льняной руку оботру, что ли... Я задумчиво стащила с себя салфеточку и старательно пальцы один за другим протерла. Мало ли... свинятельство же!

Граф издал какой-то сдавленный хрип, но я не обратила внимания, продолжая усиленно размышлять над его слова-

ми. И главное, сказал так... непонятно... располагайте мной всецело! Это в каком смысле? Нет, если бы не наши деловые отношения, я бы, может, и расположила его, как мне нравится, и сама бы расположилась... в отпуске же!

Граф что-то промычал, затем квакнул, потом приглушенно хрюкнул и наконец, кажется, замурлыкал. Разнообразие производимых им анималистических звуков привлекло мое озадаченное внимание.

— Вы что-то сказали, ваше свинятельство? — вежливо осведомилась я, мимоходом ощутив прилив гордости за то, как легко разобралась в местной системе титулов и непринужденно использую нужные обращения, демонстрируя высокий уровень светского общения. Все-таки мы, русские, выживем в любых условиях благодаря нашему уму и сообразительности!

— Ах... мм... ква... хрю... — любезно повторил граф, странно дергая головой и заливаясь очаровательным румянцем.

И... как это расшифровать, стесняюсь спросить? Может, у меня это, языковые настройки сбились, вот и накладки с переводом. Ой, мамочки! А что теперь делать? Как я аборигенов понимать буду?! У меня три месяца оплаченного отпуска по местному времени!

— Моя... моя прелесть! — сквозь коровье-кошачью речь ко мне сумели прорваться человеческие слова.

Несмотря на осязаемое облегчение от того, что мой встро-

енный гугл-переводчик, похоже, продолжает работать, я посмотрела на графа Грандер-Станта с неудовольствием.

— Я к вам со всем уважением, ваше свинятельство, — с упреком сказала, — а вы простое обращение ко мне выучить не можете?! Ваша прелесть, надо говорить!

— Моя прелесть! — беспомощно пробормотал граф.

Нет, ну нерусский человек, элементарных вещей запомнить не может! Я вздохнула сокрушенно, и это движение оказалось для Грандер-Станта... сокрушающим.

— Моя прелесть! — жалобно воскликнул он, подавшись всем свои немаленьким телом к... отследила направление... моему декольте.

Ох, салфетку же я с него убрала! Прав был Дитрих, купив мне практически закрытое платье. Но и оно рождает неадекватную реакцию местных мужчин. Хм... или как раз адекватную?

Я подхватила лежащую на столе салфетку и прикрылась ею слегка раздраженно. То я плащом маскировалась, теперь вот салфетками... Нормально, вообще.

— Продолжаем разговор, — возобновила диалог, отметив, что к местному аристократу вернулись разумность и даже подобие самоконтроля.

— Мадам, прошу простить... — сконфуженно заговорил дер Грандер-Стант, но я небрежно отмахнулась от его бормотаний.

— Скажите, какие есть в столице развлечения? — озабо-

тилась насущным. — И где мне лучше всего остановиться, чтобы познакомиться с городом и его жизнью... как можно полнее?

— Но, мадам! — воскликнул граф, правильно оценил мою враз нахмурившуюся физиономию и торопливо исправился: — Моя... простите, ваша прелесть! Почту за честь, если вы останетесь в моем доме. Пожалуйста, будьте моей гостьей, сколько пожелаете. После того как вы вернули надежду роду дер Грандер-Стант, это самое малое, что я могу вам предложить. К тому же... — граф прервался, подыскивая слова, — моя дочь Сесилия почти год провела в постели, и я был бы благодарен, если бы такая изысканная и блистательная дама, как вы, помогли ей вернуться к светской жизни да и активной жизни вообще.

Мужчина посмотрел на меня с большим эмоциональным посылом. Но, несмотря на использованные лестные эпитеты, его предложение меня не вдохновило. Это чтобы я сперва в отпуске медиком поработала, а потом еще и нянькой?! Да Зинаида Петровна меня засмеет, если не уволит после такого!

— Мой целительский эффект обратной силы не имеет, — проговорила я с капризностью внезапно вспыхнувшей мегга-звезды. Он меня от дочери отпускать боится, что ли?

— Конечно! Я нисколько не сомневаюсь! — пылко заверил меня граф и вдруг нахмурился, покосившись куда-то за мое плечо. Его лицо разом приобрело вид холодный и удив-

ленно-надменный.

С чего бы это? Я с интересом обернулась и вздрогнула от неожиданности.

Оказалось, что все четыре прислуживающих нам лакея отчего-то тихо и незаметно переместились так, чтобы выстроиться в рядок за моей спиной. Вот сейчас не поняла... А, нет, поняла! Я поморщилась с досадой, быстро подхватила сползающую с груди салфетку и обратно ее на манер слюнявчика привесила. Мамочки, я теперь все время так ходить буду, да?

Подобная перспектива отнюдь не вдохновила, так что я посмотрела на лакеев так же возмущенно, как и граф, собираясь поинтересоваться грозно: «В чем дело, уважаемые?» Но не довелось.

В комнату вошел еще один слуга (и куда дер Грандер-Станту столько? Он их разводит? Лакейский питомник у него, что ли?), торжественно преподнося графу круглое серебряное блюдо.

— Вам письмо, ваше сиятельство, — возвестил он и, правильно истолковав недовольное выражение лица своего хозяина, намекающего, что прерывать обед совсем не комильфо, поспешно добавил со значением: — Из королевского дворца.

И, поклонившись мне, сообщил:

— А также послание для мадам.

— Для меня? — Я даже не попыталась скрыть изумление. Кто мне может писать в этой реальности? Неужели... Я похо-

лодела от внезапно пришедшей мысли. Неужели начальство требует досрочно вернуться на работу?! Ну, конец года, напряженка по всем фронтам...

Нафантазировать, как именно пересылаются письма из нашей реальности в эту, я не успела, потому что слуга пояснил:

— Госпоже Альде дер Траун из Главного сыскного управления столицы.

— Ах, это! — Я моментально расслабилась и даже размякла.

Дитрих, душка, и полдня без меня прожить не может! А прикидывался таким холодным!

— Мадам? — напрягся граф. — У вас какие-то проблемы? Буду счастлив помочь.

— Никаких проблем! — весело отмахнулась я. — Это от моего пылкового поклонника.

— О, — прокомментировал дер Грандер-Стант, по своей привычке очаровательно зардевшись, — у такой обворожительной дамы, как вы, безусловно, в них нет недостатка.

— Разумеется, — подтвердила я, — но этот самый преданный.

Граф учтиво наклонил голову, а я сосредоточилась на послании от Дитриха. Лист бумаги оказался сложен затейливым образом, и мне пришлось подключить свои хвальные аналитические способности, чтобы правильно развернуть письмо и добраться до его содержания.

Несколько минут мы провели в полной тишине: граф и я познакомились и осмысливали полученные новости, лакеи дисциплинированно ждали. Хм. Пospешила я с выводами насчет полного отсутствия проблем. Дитрих был встревожен, и его обеспокоенность передалась и мне. Он писал, что отчитался по всей форме и покался в том, что упустил наиле, ожидая каких угодно взысканий и горя желанием исправить свою ошибку. Что удивительно, никакого расследования или элементарных расспросов не последовало. Его даже не пожурили, а просто поблагодарили за службу и... отодвинули в сторону. На настойчивые предложения ден Носа продолжить дело, ему ясно дали понять, что он этим больше не занимается, да и вообще, то высокопоставленное лицо, от которого исходил приказ, наиле больше не интересуется. Подобное внезапное охлаждение скорее насторожило Дитриха, чем порадовало, и он заподозрил, что правду от него скрывают, о чем и спешил меня предупредить. В конце послания маг настойчиво предлагал мне три совета на выбор: затаиться (вообще не рассматривала), принять его покровительство (задумалась на минутку, но нигде в тексте не нашла уточнений, что именно сюда входит) и, наконец, найти себе, как наиле, мужчину достаточно богатого и влиятельного, чтобы защитить меня в случае неприятностей. А вот последний вариант ожидаемо заинтересовал, тем более что полностью совпадал с моими отпускными планами.

Я невольно бросила полный скрытого сожаления взгляд

на графа дер Грандер-Станта как на самый очевидный в данной ситуации выбор и даже дала слабинку, на один-единственный миг допустив мысль нарушить свои принципы и завести роман с клиентом. Я же в отпуске... да еще в другой реальности... никто не узнает. Тяжело вздохнула. Никто не узнает. Кроме меня.

Я с досадой отбросила Дитрихово письмо, которому уже некоторое время безуспешно пыталась придать первоначальный сложносложенный вид, и пробарабанила пальцами по столу в глубокой задумчивости.

— Мадам, ваша прелесть, — донесся до меня негромкий, даже какой-то заискивающий голос местного аристократа, — дурные новости? Вы помрачнели.

— Да так, — неопределенно дернула я плечом, не спеша раскрывать тайные стороны своей жизни.

Ну спасибо тебе, Дитрих, удружил. Прислал сообщение-головоломку не только по форме (серьезно, это у них нормальная манера так бумагу складывать?!), но и по содержанию. Ведь я хоть в отпуске и снижала существенно активность мозга, но полностью его не выключала и оттого была готова разделить подозрения Дитриха. Что-то затевается, но уже без его участия. Почему вдруг ко мне потеряли всякий интерес? Хотелось бы верить, что заказчик нашел свою настоящую блудную наиле, или та сама вернулась добровольно, но... но... Ой, да ладно! Я откинулась на спинку стула и попыталась закинуть ногу на ногу, что в длинном платье

с первой попытки не получилось. Буду думать, что для меня все устроилось самым благоприятным образом, никакого подвоха, опасности или скрытых камней не осталось. В конце концов, я же в фэнтези!

— А у вас что? — спросила вежливо.

— Приглашение на ежегодный королевский прием, — равнодушно сказал граф и очень ловко (я проследила с невольной завистью и ревностью) сложил листочек бумаги обратно в оригами. — Уже третье, которое я отклоню...

— О! — воскликнула я, отлавливая еще до конца не определившуюся, но уже, судя по ощущениям, весьма соблазнительную идею, и еще раз: — О! А почему?

— Дочь была больна, я никуда не выезжал, — пояснил дер Грандер-Стант. — Благодаря вам все наладилось, но она еще слишком слаба для таких торжеств.

— О! — сказала я и добавила в тон многозначительности. И бровями так тоже выразительно подвигала туда-сюда. О Сесилии в общем-то речь и не шла. — И... там будет король?

— Конечно, — кивнул мужчина, — и все самые знатные и богатые люди страны.

— О! — снова произнесла я, и на этот раз с большим нажимом. Подумала вскользь, не воспользоваться ли своим супероружием, а то граф как-то туго соображает.

— А вы... — затаив дыхание, спросил иномирный аристократ, уставив на меня распахнувшиеся глаза и являя чудеса догадливости, — вы хотели бы поехать? Со мной?!

Ох, мамочки! Ну конечно нет! В смысле, не с тобой. Просто поехать. Но поскольку подозреваю, что к королю с улицы всех подряд не пускают (в нашей реальности я вон даже с рядовым министром лично не знакома, не говоря уже о президенте), то ехать разумно с тем, кто имеет во дворец допуск.

— Мадам, — сбивчиво и горячо заговорил граф, — ваша прелесть... если вы соизволите... найдете время... я буду рад и горд представить вас ко двору. Ведь род дер Траун крайне редко бывает в столице, и рискну предположить, что здесь нужных и полезных знакомств у вас немного?

Э-э-э... да у меня вообще в этом мире со связями не очень. И с полезными, и с бесполезными. А из столичных знакомцев — только Дитрих. Прав, прав дер Грандер-Стант, надо исправлять. К тому же Первая Ищейка активно советовал мне завести солидного платежеспособного покровителя, а где его еще искать, как не на королевском приеме?

Я медленно опустила ресницы, демонстрируя обманчивую скромность и такое же смущение, потом взметнула их вверх и несколько раз похлопала. Нарощенные, конечно, смотрелись бы при такой игре эффектнее, но у меня и натуральные неплохи, так что нужной цели, а именно замороженного внимания дер Грандер-Станта, я добилась.

— Ваша прелесть! — выдохнул граф, подавшись ко мне и с увлечением следя за выделяемыми моими ресницами выкрутасами.

Я даже растрогалась. Приятно же, что местный житель не

спускает загипнотизированных глаз с моего лица, а не... с других частей. Какое-никакое, а разнообразие. А то я в этом мире уже стала ощущать себя бесплатным приложением к всепобеждающим дарам Богини. А тут вот нет, могу не только грудью соблазнять, не растеряла навыков.

— С удовольствием отправлюсь с вами на прием, ваше свинятельство, — скромно сказала я, проигнорировав вопрос о столичных знакомствах рода дер Траун. Откровенно говоря, у меня с этим родом общего только удачно подслушанная фамилия, так что углубляться не стоит.

— Ваша прелесть! — восторженно просиял граф и снова вознамерился облобызать мне руки.

Я недовольно поморщилась, но в свете открывшейся перспективы решила пойти на осознанные жертвы и проворно отдернула только правую ручку, оставив левую на растерзание дер Грандер-Станту. Помусолив ее всласть несколько минут, граф поднял на меня слегка прояснившийся взгляд:

— Вы же остановитесь у меня, мы договорились?

Я милостиво кивнула, и он, радостно улыбнувшись, продолжил:

— Когда доставят ваши вещи? Или прикажете послать за ними?

Гм. Хм. И снова гм. А что там, кстати, насчет моих вещей? А, вспомнила. У меня же их нет, высокий индекс достоверности, попаданство в чистом виде, из актива — только предоставленный туроператором костюм, который я и то

умудрилась забыть в замке герцога дер Траун-Грасса. О чем я только думала? Неужели по-честному оставила его взамен более дорогого малинового? Или великодушно подарила герцогу, чтобы он, выйдя из заморозки, смог хотя бы запахом наиле насладиться, если не ею самой? Ну, они же тут все жутко носатые. В нюхательном смысле.

Хотя... не представляю, как бы таскала сменное платье длиной до пола в заплечной сумке. А больше у меня и нет ничего, кроме малинового воротника, расчески и сменных шортиков. Все-таки это откровенный минус попадан-путешествия — не иметь при себе любимой (и выгодно подчеркивающей твои достоинства) одежды.

— Ваша прелесть, — жалобно позвал граф, — вы снова грустите?

Я?! Да никогда. Я вообще не имею привычки грустить, только злиться.

Я выразительно воззрилась на Грандер-Станта и заговорила, тщательно подбирая слова:

— Вы ведь понимаете, ваше свинятельство...

— Фридрих, — перебил он меня, и я нахмурилась, сбившись с мысли.

— Что?

— Зовите меня Фридрих, пожалуйста, — застенчиво попросил граф.

— А ваше свинятельство вам чем не нравится? — не поняла я. Нет, сами же напридумывали всяких заковыристых

обращений, а теперь что?!

— Всем, всем нравится! — пылко заверил меня дер Гран-дер-Стант. — Но мне будет очень приятно, если мы начнем общаться по-дружески, ваша прелесть.

Гм, ну не знаю. Мне вот пока прелестью быть не надоело. Всяко почетнее, чем собачковой Альдой.

— Не уверена, — с сомнением протянула я. — Не слишком ли фамильярно? Может, останемся в рамках делового уважительного общения, вы — свинятельство, а я — прелесть?

Граф издал странный звук, что-то среднее между криканием и кашлем.

— Мадам, конечно, к вам я продолжу обращаться «ваша прелесть», — проникновенно сказал он и заглянул мне в глаза просительно, — но меня зовите Фридрих, сделайте одолжение. В конце концов, мы будем жить в одном доме, и я со временем надеюсь заслужить вашу дружбу.

Ну... я бы такие далекие перспективы не рассматривала, если честно. У меня же четкий план: обзавестись достойным покровителем на ближайшем же королевском приеме, а это наверняка предполагает смену места жительства. Но... подумала — и сдалась. Уж очень умильно он на меня смотрел, а в отпуске я такая добрая...

— Хорошо, — проявила покладистость, и граф снова припал к моей многострадальной руке. Знала бы, что такая будет реакция, поостереглась бы соглашаться.

— Так вот, — поспешила переключить его внимание, — вы же понимаете, ваше... — Я запнулась и, стремясь соблюсти достигнутую только что устную договоренность, исправилась: — Фридрих.

Ой, мамочки! Лицо графа озарилось неудержимым счастьем и враз поглупело. Это что, от одного только обращения по имени?! Какой он чувствительный, однако. Все же мужчины существа очень нежные и загадочные.

Я помахала перед физиономией Грандер-Станта рукой (правой, свободной от лобзаний), возвращая его к разговору.

— Вы же понимаете, — в третий раз начала я, но, наученная горьким опытом, никак обращаться к поплывшему аристократу не стала, — что представительница славного древнего рода дер Траун — а приставка «дер» говорит о принадлежности к высшей знати, если вы не знаете...

— Знаю, — вклинился граф, и я покосилась на него с неудовольствием: знает, наверное, сам же тоже из этих, из «дер», но зачем перебивать-то?! Я так никогда свою мысль не закончу!

— Прошу, продолжайте, ваша прелесть! — залепетал Грандер-Стант и пальцы мне тихонечко сжал.

Я посмотрела на них с тоской: пропала рука, до конца беседы он мне всю ее измочалит. Отмываться придется с мылом, а потом еще массаж делать с кремом. Знать бы наперед, стоит ли таких жертв бесплатная аренда спального помещения в престижном районе столицы? Да еще с трехразовым

ресторанным питанием? Хм, пожалуй, стоит.

— Я к тому, что знатные дамы обычно не стучатся в первый попавшийся дом, — поспешила с объяснениями, пока меня опять не перебили или не принялись обцеловывать, — и не вызываются работать этими... как вы их называете...

— Целителями? — робко подсказал граф.

— Вот! — обрадовалась я. — Ими! Это драматическая случайность, что я оказалась в такой ситуации...

Тут я послала мысленный упрек Клеопатре Львовне, сделав себе пометку в следующий попадан-тур попытаться протащить чемоданчик с минимальным набором личных вещей и кошельек с местной валютой.

— ...а вам необыкновенно повезло попасться на моем пути.

— Да, мадам, ваша прелесть! — с готовностью подхватил дер Грандер-Стант. — И мне, и Сесилии феерически повезло, что вы соблаговолили заглянуть к нам и помочь! За что не устану благодарить Богиню и завтра же сделаю пожертвование в ее Храм!

Я с удовлетворением отметила, что граф понимает всю ценность моего появления, и слегка приподняла брови, предлагая ему сделать логический вывод из сказанного мной.

Граф моргнул, как мне показалось растеряннo, и опять чмокнул мою ручку. Тьфу! С телепатией у него не очень. Или с логическим мышлением? Все-таки в моем управлении он

не работал, если за всю жизнь работал вообще...

— У меня нет вещей, — со вздохом призналась я, решив завязать с намеками, — только скромная дорожная сумка.

Подумала и подпустила таинственности:

— Я здесь инкогнито.

— О, мадам! — экспрессивно вскричал граф, взмахнув верхними конечностями, и едва со стула не свалился и меня с соседнего не свалил. — Я с удовольствием возьму на себя все ваши расходы. Мы прямо сейчас можем отправиться в лучшие ателье города, чтобы заказать вам повседневные платья и самый модный туалет на королевский прием!

Красавчик! Я посмотрела на него с большой благосклонностью и поощрительно поиграла пальцами, к которым граф тут же с готовностью припал. Ну, побалую немножко, раз он такой душка. Вздохнула. Экономически выгодное (и самое простое) решение было взвалить все финансовые вопросы на Грандер-Станта, тем более что он сам об этом просил, но... я же не завожу шашней с клиентами. А согласно нормам поведения приличная дама может принять без всяких обязательств от мужчины только цветы, конфеты и в отдельных случаях — духи. Согласиться на любые другие подарки — значит вольно или невольно дать надежду на более близкое продолжение знакомства. Нет, конечно, можно захватить как можно больше, а потом сделать непонимающее лицо, но это не мой вариант. Так что я всегда все подсчитываю и просчитываю. Как выяснилось — даже в отпуске в другой реально-

сти. В общем, раз я не собираюсь быть его любовницей, то и оплачивать свои расходы буду сама. У меня есть деньги от Дитриха и весьма увесистый кошелек с оплатой за исцеление дочери от самого Грандер-Станта.

— Нет, Фридрих. — Голос, правда, дрогнул от жадности, но я смогла продолжить, упиваясь своей высокой принципиальностью: — Вы мне уже заплатили за лечение Сесилии. Этих денег достаточно.

Ну и если откровенно... взгляд скользнул в вырез платья. Представьте только, одежда всю грудь практически полностью закрывает, если только обтягивает, намекая на формы, а воздействие таково, что вполне себе привлекательный и материально состоятельный аристократ от меня не оторвется. Может, конечно, в нем еще дополнительно эйфория от внезапного выздоровления дочери бродит, и все же... Я позволила себе ироничное хмыканье. Полагаю без всякой самонадеянности, что без денег я в этой реальности никогда не останусь. Всегда найдется то один, то другой добрый мужчина...

— Ваша прелесть, — расстроено забормотал господин граф, — я бы хотел всецело взять вас на содержание...

— Нет, я сказала!

Грандер-Стант моргнул испуганно, а потом торопливо погладил мою ручку, извиняясь и успокаивая.

Вот я еще содержанкой не была! Тоже интересный опыт, не спорю, но оставляю его до следующего попадан-путеше-

ствия. Мне отчего-то кажется, что я стану у Клеопатры Львовны постоянной клиенткой.

— А вот если вы предоставите мне экипаж, чтобы сегодня же отправиться за покупками, я была бы вам благодарна, — мурлыкнула, смягчая категоричность отказа.

* * *

Откладывать дело не стали, и, пока готовили мне к поездке карету, я сходила за малиновой пелеринкой, которой и прикрылась предусмотрительно перед выходом в город. Потопталась в холле, нетерпеливо выглядывая в окно.

— Мадам, — донесся робкий писк, и я обернулась.

Юная Сесилия дер Грандер-Стант сделала поспешный глубокий реверанс. Я в ответ кивнула, замеряя взглядом худенькое, но вполне себе живое и активное создание, а не то смертельно бледное привидение, что увидела при первой встрече. Все ж таки крутой я маг, подумала с удовлетворением и приосанилась.

— Мадам! — взволнованно заговорила девушка, комкая пальцами платье. Спихватилась, вспомнила о манерах и с усилием вытянула руки вдоль тела. — От всего сердца благодарю вас за помощь! Если я могу хоть что-то для вас сделать...

— Можете, — подтвердила я.

— Да? — несказанно удивилась Сесилия, округлив глаза очень привлекательного синего цвета и явно не ожидая та-

кого поворота.

Хм. А зачем тогда предлагала?

Я посмотрела выжидающе.

Девушка быстро оправилась и спросила:

— Что, мадам? Только скажите.

Я улыбнулась с одобрением и поманила ее в гостиную. Ну, меня же позовут, когда карета будет готова, а беседовать в холле — это как-то не по-мадамски. Так что будем соответствовать украденному статусу знатной персоны.

— Граф получил приглашение на королевский прием, — сообщила я, проходя на середину симпатичной комнаты, оформленной в золотисто-коричневых тонах. — Я хочу, чтобы вы поехали с нами.

— Мадам? — Брови Сесилии взлетели до самой прически. — Но... разве мне не рано выезжать?

— А сколько вам лет? — озабоченно нахмурилась я.

— Двадцать. — Она стушевалась. — Вернее, с учетом прошедшего времени... двадцать один.

— Милая моя! — всплеснула руками я. — Так вам не рано, вам скоро поздно будет выезжать! Шутка ли, двадцать один! Далеко не старость, не спорю, но для дебюта вполне подходящий возраст!

— Ах, я не в том смысле. — Сесилия доказала близкое родство с графом дер Грандер-Стантом, покраснев так же мило и стремительно, как и ее отец. — Но... после такой болезни... служанки меня даже сейчас к вам пускать не хотели,

говорили, что рано...

Я позволила отразиться на своем лице легкому прохладному недоумению, тут же чутко отловленному и правильно истолкованному.

— Мадам, простите, — в отчаянии заломила руки Сесилия, — прозвучало так, будто я ставлю мнение служанок вровень с вашим. Совсем нет! Вы убедительно показали свой талант, явив настоящее чудо!

— Так в чем дело? — прервала ее я.

— Ах! — расстроенно пробормотала девушка и внезапно робко уточнила: — Можно мне присесть?

Вообще-то это ее дом, так что я великодушно махнула рукой, разрешая, и мы с Сесилией одновременно сели: юная графиня скромно присела на самый краешек обитого гобеленовой тканью дивана, а я величественно опустилась в кресло напротив.

— Благодарю, — искренне выдохнула Сесилия, вместе с более устойчивым сидячим положением обретая и необходимую твердость и связность, чтобы продолжить разговор. — Просто я подумала, что еще слаба...

— А вы слабы? — изогнула я бровь, вновь почувствовав уязвляющий намек на недостаточный целительский профессионализм.

— Нет, мадам, — вздохнула девушка и добавила покаянно: — Извините, не хотела вас обидеть. Я чувствую себя замечательно, лучше, чем вообще когда бы то ни было. Но вы

же понимаете...

— Нет, — поморщилась я, — не понимаю. Не люблю додумывать, привыкла иметь дело с фактами, специфика работы такая. Так что не могли бы вы облечь свои чувства в ясную словесную форму?

— Ах, мадам! — удрученно воскликнула девушка. — Я ведь и раньше не была общительной... а потом все слабела... никуда не выходила... И на приеме же придется общаться? Знакомиться? Разговаривать? В том числе с... мужчинами!

Последнее слово графиня выдала с каким-то испуганно-страстным придыханием, так что я даже засомневалась в правильности перевода. Может, она имела в виду божество какое-то местное, судя по звенящей эмоциональности тона? Прислушалась повнимательнее. Нет, вроде все верно поняла.

— Разумеется, — подтвердила я, — за тем и едем. Чтобы знакомиться, разговаривать и активно общаться с мужчинами. Предпочтительно знатными и богатыми. И конечно же абсолютно здоровыми и адекватными.

— Мадам, я не смогу, — жалобно призналась девушка, вся как-то сжавшись. — Я боюсь и смущаюсь. Я и до болезни-то мужчин практически не видела и уж тем более не общалась.

— А папа ваш кто? — не поняла я.

— Папа — другое дело, — наклонила русоволосую голову Сесилия, — он не страшный и никогда меня не обидит.

Но и он, мадам, был со мной заботлив, но отстранен, как и принято в наших кругах.

Да уж, тяжелый случай. Уточнять, когда и куда делась мать Сесилии, я не стала. Дело в общем-то не мое, а девчонка и так от волнения пошла пятнами.

А графиня горько вздохнула и трагически возвестила:

— Мадам, мне, наверное, следует отложить светские визиты или даже вообще...

Что там вообще, я дослушивать не стала.

— Глупости, — прервала решительно, — у вас и так год из жизни выпал, надо наверстывать. Понимаю ваши опасения, но, мне кажется, вы чересчур драматизируете. Ну мужчины и мужчины, что такого, Сесилия? Они такие же, как мы, только волосатые.

— О, — девушка опять выдала яркий семейный румянец, — не только...

— Есть и другие различия, разумеется, — согласилась с очевидным я, — но волосатость все-таки первой бросается в глаза!

Тут я не удержалась от невольного лирически-философского отступления.

— Это же надо, заросли даже на лице! Не говоря уже о других частях тела. До сих пор привыкнуть не могу. — Сокрушенно покачала головой и добавила со значением: — Все-таки правильно утверждал Чарльз Дарвин, что мужчины произошли от обезьян! Наверняка сделал этот логический

вывод, глядя на себя нагишом в зеркало.

— А... женщины от кого?! — вскинула на меня потрясенные глаза юная графиня, и я хмыкнула снисходительно.

Ох, ну да. Реальность-то другая, вряд ли здесь знакомы с теориями эволюции и происхождения видов. Так что ни версия Дарвина, ни история Адама и Евы, ни прочие глубокие земные измышления здесь, скорее всего, никому неизвестны. Вот поэтому бедняжка Сесилия и мучается непонятной закомплексованностью! У них же здесь мир вообще... со странностями.

— А женщины уже от мужчин, — поспешила поделиться я важными в плане здоровой самооценки знаниями. Всем же знакома эта старая история о ребре Адама. Всем в моем мире, я имею в виду. — Для создания женщины был использован уже готовый новый биологический материал. Так что между нами и животным миром есть спасительное промежуточное звено.

Девушка моргнула ошарашенно, и я, спохватившись, добавила строго и наставительно:

— Но из-за этого мы не должны относиться высокомерно и пренебрежительно к мужчинам. Наоборот, следует проявлять посильную снисходительную мягкость и терпение, понимая, как им трудно балансировать на самой грани животности, но при этом не позволяя им за эту грань соскользнуть. Вы не поверите, Сесилия, но они даже придумали выражение, что настоящему мужчине достаточно быть чуть-

чуть красивее обезьяны! Вот насколько этот ранящий образ укоренился в их сознании.

Я прервалась и обратила внимание на служанку, которая маячила в дверях гостиной.

— Карета подана, — почтительно поклонилась горничная, поймав мой взгляд.

Я поднялась, и Сесилия дер Грандер-Стант тут же резво вскочила с дивана.

— И не надо улыбаться, — мягко попеняла девушке, — в конце концов, не могло же всем повезти родиться женщинами!

— Да, мадам, — согласилась та.

— Так что вы обещаете, Сесилия, помнить об этом на приеме и быть со всеми милой, но твердой? — изогнула бровь я.

— Обязательно постараюсь, мадам! — искренне выдохнула девушка к моему удовлетворению.

— Закажу вам что-нибудь яркое, но не вычурное, — обронила, направляясь к двери, — эти бесцветные тряпки размывают вашу красоту.

* * *

Карета с графским гербом доставила меня прямиком к дверям одного из самых модных и дорогих ателье столицы. В этом я положились на распоряжение, отданное кучеру дер Грандер-Стантом, потому как сама пробыла в этом мире недостаточно долго, чтобы быть в курсе подобных ве-

щей. Кстати, выйдя из кареты и окинув критическим взором выставленные в окнах до земли (по-нашему, так витринах, а как по-иномирному, не знаю) женские придворные туалеты, я об этом пожалела. В том смысле, что до сих пор и не подозревала о наличии здесь подобной роскоши и красоты и по досадному незнанию довольствовалась жалкими обносками. Теперь, на фоне увиденных мной ярких, блистательных нарядов малиновое платье, преподнесенное герцогом дер Траун-Грассом, казалось весьма скромным, а уж купленное Дитрихом на постоялом дворе одеяние так и откровенно нищенским. Крайне неприятные подозрения зашевелились в моей чувствительной душе: неужели эти двое решили на мне сэкономить? Или не посчитали меня достойной чего-либо более качественного и дорогого? Подобные уничижительные мысли никак не согласовались с моей трезвой самооценкой, поэтому я утвердилась во мнении, что их выбор был продиктован в первом случае желанием замаскировать мою красоту и утаить наиле от многочисленных охотников, а во втором — банальным отсутствием других вариантов: смешно думать, что у дочери трактирщика окажутся наряды, подобающие моему высокому положению знатной дамы, почти герцогини.

Эти разумные предположения, однако, не разгладили недовольную складку на моем нахмуренном лице: я припомнила, что заплатила за иномирный отпуск достаточно, чтобы туроператор позаботился снабдить меня более подходящей одеждой, чем невзрачный комплект цвета неумытого чебу-

рашки. Особенно с учетом целевой направленности моей поездки. Возможно, конечно, что это был стандартный дорожный костюм, тогда как в манящей витрине красуются туалеты для особо торжественных случаев, и все-таки, все-таки...

Сделав себе мысленную пометку разобраться с этим вопросом по возвращении, я раздраженно толкнула изящную дверь, не посчитав нужным оповестить о своем приходе звонком в позолоченный, подвешенный на стене колокольчик и уж тем более не дожидаясь, когда мне ее учтиво откроют.

— Мадам! — Девушка-прислужница (называю ее так, потому что с ходу определить ее статус не смогла: портниха, продавщица, помощница, дочь хозяина...) резво шархнулась в сторону, избегая столкновения со мной и широко распахнутой дверью. Не знаю, то ли она всегда занимала тактическую позицию возле входа, то ли приблизилась, усмотрев потенциальную клиентку в окна. Но в любом случае к моему стремительному появлению оказалась не готова, за что едва и не поплатилась ушибленным лбом и отдавленной ногой.

Растерянность иномирянки длилась, однако, недолго. Буквально через мгновение после того, как обрела баланс после поспешного прыжка, девушка присела в симпатичном книксене, сменив на ухоженной мордашке выражение испуганное на приветливое и услужливо-заинтересованное.

Я остановилась, оглядывая ее с одобрением. Вот все-таки люблю профессионалов! Причем все равно в какой сфе-

ре и на какой производственной ступени люди работают. Иной алкогольную карту пятакового бара преподнесет так, как редкий кандидат в губернаторы — свою предвыборную программу.

— Добрый день. Будем счастливы помочь в любом вопросе, мадам, — сообщила девушка. — Что вы желали бы?

И разговаривает правильно, молодец. Недовольная складка на моем лице самопроизвольно разгладилась, а губы сложились в ответную улыбку, но с необходимой поправкой на мадамость: приветливость присутствует, а вот услужливости, робости или заискивания нет, вместо них спокойная, отстраненно-вежливая, с легчайшим оттенком привычной властности уверенность Большой Дамы.

— Здравствуйте. — Еще одна полуулыбка и благосклонный кивок в ответ на приседание. — Мне нужен шикарный туалет для посещения ежегодного королевского приема.

Вот так. Коротко, емко, по существу. И судя по взметнувшимся ресницам, упоминание знаменательного события было верным решением. Или... это проявление не восторженного уважения, а растерянности от того, что до торжества осталось меньше недели? Хм-хм. Есть же у них подходящие готовые платья?

— Надеюсь, вы сможете быть мне полезной, — добавила ласково, намекая, что пауза затягивается.

— Да-да, мадам, — зачистила иномирянка, — прошу вас, пройдите.

И она поспешно отступила, открывая мне дорогу к ряду узких комнат, где вместо входных дверей колыхались изысканные бежевые занавески с золотой вышивкой. Примерочными кабинками не назвать, повыше рангом будут, скорее уж небольшие салоны для обслуживания клиентов. В первом с краю штора была отдернута, и мой любопытный взгляд зафиксировал еще одну молодую прислужницу, старательно укладывающую в коробку какое-то одеяние, и ожидающего клиента — представительного мужчину средних лет. При виде меня господин приподнялся с кресла и отвесил вежливый полупоклон, мазнув взглядом с малой толикой интереса, да и то продиктованного, вероятно, скукой, которую обычно мужчины испытывают в салонах дамской одежды. Что ж, подобное поведение меня не обескуражило. Глупо рассчитывать на моментально вспыхнувшую страсть, будучи в платье трактирщицы, сверху прикрытом малоподходящей по цвету малиновой пелериной. Полное отсутствие макияжа и уже слегка растрепавшийся узел волос на затылке притягательности внешности тоже не добавляют. Так что, наоборот, я положительно оценила светски-учтивые манеры иномирца: то ли он предполагал, что абы кто, несмотря на обманчиво невзрачный вид, в такие места не ходит, то ли был просто хорошо воспитан.

Ответно наклонила голову, собираясь любознательно заглянуть и во вторую кабинку, но, увы, шторы были плотно задернуты, а изнутри доносились оживленные женские голо-

са.

— Сюда, мадам, — пригласила девушка, придерживая занавеску третьего салона. — Думаю, мне лучше пригласить господина Откутюра.

Я пожала плечами, великодушно позволяя ей поступить как считает нужным, но в примерочную заходить не стала, а воспользовалась минутой-другой, чтобы внимательно изучить выставленные в витринах наряды и разложенные на столах, развешанные на манекенах образцы отдельных элементов одежды: корсеты, рукава, различные типы юбок и варианты шитья. В левом углу комнаты, стыдливо отгороженном от основного помещения легкой ширмой из витых шелковых шнуров, я с изумленным восторгом обнаружила коллекцию прелестных кружевных шортиков нежнейших оттенков. Моей особой благосклонности среди модных новинок нижнего белья удостоились удлиненные бирюзовые штанишки, украшенные над коленями тремя ярусами роскошных кружев, рождающие стойкие ассоциации со сказочной Мальвиной. В своей реальности, понятное дело, такие никогда бы не надела, но... я же в фэнтези.

От разглядывания местных трусиков меня отвлек приятный голос с нотками манерности и капризности:

— Мадам?

Я обернулась, и господин Откутюр окинул меня профессионально цепким взглядом с головы до ног. При этом он оказался не только профессиональным портным, но и хоро-

шим продавцом, потому что не позволил пренебрежению отразиться на своей холеной (даже чересчур) физиономии.

— Чем могу помочь? — поинтересовался портной, никак не выказывая шока от чебурашкиной внешности или сомнений в моей платежеспособности, хотя мне уже было очевидно, что у моего одеяния и выставленных в салоне образцов диаметрально противоположные ценовые категории.

Хмыкнула с удовлетворением, посчитав ателье и его хозяина (или ведущего специалиста?) достойными себя. Вот вы не поверите, но мы с коллегой как-то забрели в модный бутик обуви, так там нам на вежливую просьбу принести пару-другую туфель на примерку, обстоятельно разъяснили, что дают товар в руки (а тем более на ноги!) только при гарантии посетительниц на последующую покупку и уточнили степень серьезности наших намерений с учетом выставленных ценников. И ведь туфли были хоть и далеко не дешевыми, но и не заоблачной же цены! Коллега вступила в дискуссию, стараясь выяснить, что именно в нашем облике навело на мысль, что мы не можем позволить себе таких трат и развлекаемся тинейджерскими прогулками с массовыми примерками, а я тут же молча развернулась и покинула данный магазин. Понимаю, что девочкам-продавицам были просто даны соответствующие указания, но так торговый бизнес не делают. Неудивительно, что в прошлом месяце бутик был вынужден закрыться.

— Я посчитала, что вы способны обеспечить меня подхо-

дящим нарядом для ежегодного королевского приема, — сообщила величаво и непререкаемо.

— Но, мадам! — протянул с характерной интонацией кутюрье Откутюр, жеманно всплеснув длинными бледными руками. — До него осталось всего четыре дня! Пошить праздничное платье за этот срок совершенно невозможно!

— Мне очень жаль. Совершенно невозможно! — чуть капризно повторил он, видя, что сказанное не произвело на меня ровно никакого впечатления. И даже губы надул для пущей убедительности.

Будь я в моей реальности, то предположила бы, что у местной портнозвезды сексуальная ориентация... как бы это сказать... нестандартная. Хотя... судя по фильмам и новостям последних лет, уже как раз стандартная? В нашем мире стандарты — такое изменчивое понятие. Но поскольку достоверной информацией о местных нравах не обладала, то поостереглась делать скоропалительные выводы.

— Не расстраивайтесь, — утешила его, — я согласна взять платье из готовых. Со скидкой, разумеется. Например... — элегантно жестом махнула в сторону витрины, — вот этот миленький наряд лососевого цвета.

— Цвета эйдерхазии, — с вкраплением недоумения и уязвленности поправил меня господин Откутюр, — самый модный цвет этого сезона.

— Я так и сказала, — невозмутимо заявила, сообразив, что лосось здесь не в ходу.

— Ах, мадам, — в тоне собеседника заскользили мягкие и вкрадчивые снисходительные интонации, — над этим шедевром я трудился многие месяцы, добавляя золотое шитье, складочку за складочкой, вензелей за вензелеком... Я вложил в этот несомненно восхитительный, совершенный придворный туалет всю свою душу, окрыленную мечтой об идеале...

— Мне как раз подходит, — подтвердила я.

Кутюрье глянул на меня искоса и продолжил изъясняться намеками:

— Я воображал, что в один невероятно удачный день сама мадам дер Попагранд, первая красавица столицы, надеет его...

Я моргнула. И еще раз. Тяжело все-таки с этими творческими личностями. Нет чтобы по-человечески сообщить, в чем проблема, разводят целую поэму...

— Короче, — попросила я, и мэтр, крикнув, подытожил, совершенно смутившись:

— Ах, дорогая, если вы не заметили... У него декольте!

И поскольку я продолжала взирать на него вопросительно, добавил экспрессивно, в очередной раз изобразив руками какие-то витиеватые загогулины:

— Глубокое декольте. Прямо-таки огромное! Рассчитанное исключительно на бюст обворожительной красавицы дер Попагранд!

И, окончательно смешавшись, сконфуженно прошептал:

— Боюсь, это платье вам не подойдет, мадам. Ведь если

ушить или распустить в талии мы сможем, то наставить декольте — никак нет. Если только закрыть кружевом... — тут же креативно предложил он, но сам себя оборвал: — Нет-нет, это испортит весь образ!

Ха. И в этом все дело? И еще раз ха.

— Не знаю, какая такая попа у вашей Попагранд, — произнесла не без язвительности, акцентируя внимание на первой части иномирной фамилии, — но что касается остального, то ваши сведения о первой красавице столицы устарели. Впрочем, убедитесь сами.

Я неторопливо потянулась к пуговицам воротника-пелерины.

Надо сказать, за моим показательным полураздеванием и кутюрье, и прислужница, и заинтригованно выглянувшие из соседнего салона продавщица с клиентом (последний держал в руках подарочно оформленную коробку с приобретением) следили с недоуменным скепсисом, видимо не вполне представляя, с чего вдруг меня разжарило. Так что я, хмыкнув, пелеринку небрежно на ближайший манекен накинула и играючи развернулась к зрителям. Прodelала это с элегантно́й непринужденностью, словно всю жизнь по выходным подрабатывала стриптизершей. Сердце, правда, предательски екнуло при мысли о том, а предоставляет ли надетое на мне скромное платье трактирщицы достаточный обзор, чтобы уверенно оспаривать титул первой столичной красавицы. Вдруг это у графа дер Грандер-Станта зрение было

особо зоркое или врожденная на дамскую красоту интуиция, а вот эти четверо за непритязательным фасадом ничего и не разглядят?

Решительно отвергла малодушные сомнения и плечи горделиво расправила, одновременно посылая из-под взметнувшихся ввысь ресниц истинно мадамский взгляд. Ну, я же без пяти минут герцогиня. И самая дорогая наиле этого года. Да что там, последних десятилетий! И почти наверняка новая первая красавица столицы. В худшем случае, вторая или третья, никак не дальше. Так что вся в образе.

И... да. Зрение у них тоже было хорошее, и с воображением порядок, чтобы дорисовать необходимое. Владелец модного ателье округлил глаза и попытался подать какую-то реплику, по причине перехваченного дыхания трансформировавшуюся в сдавленный клокочущий хрип.

— Не магия, — предвосхитила вопрос.

Бум! Обернулась: это клиент выронил из рук коробку с покупкой, и внезапный глухой звук разорвал общую потрясенно-завороженную тишину.

— О-о-о! — слаженно выдохнули-протянули все четверо, и кто-то из мужчин приглушенно и благоговейно добавил: «Какая красавица!», а кто-то из женщин: «Слава Богине!»

И если первый комментарий я восприняла благосклонно, то второй заставил меня насторожиться: все-таки, видимо, зреет революция в этом мире, надо обязательно успеть отдохнуть до социальных беспорядков.

— Мадам! — Господин Откутюр художественно заломил руки. — Умоляю, скорее пройдемте в примерочную!

Он дал указание помощницам снять платье цвета эйдер-хазии с подставки, и мы дружно переместились в соседнюю комнатку. Что характерно — импозантный клиент ателье тоже, оставив лежать покупку на полу, и с энтузиазмом занял одно из кресел. Хм.

— Мадам, мадам! — На кутюрье напало лихорадочное нетерпение. — Сгораю от желания увидеть на вас мое творение! Позвольте помочь вам раздеться!

Несмотря на пылкость призыва, от ищущих рук одной из прислужниц и самого господина Откутюра я уклонилась.

— Хм, — начала с сомнением, — а позвольте узнать, для чего в примерочной столько народу?

— Кто? Что? — От счастья, что нашел достойную замену красавице дер Попагранд, портной поглупел и в ситуацию не включился.

Но, заметив мой крайне хмурый взгляд, проморгался и смог ответить:

— Но как же, мадам! Девушки помогут снять ваше платье!

— Вдвоем? — скептически хмыкнула я. Напомню, что в нашей реальности прислужой я была не избалована, и оттого от поднявшейся суеты напряглась. — Ну, предположим. А вы?

— Я?! — дернулся господин Откутюр. — Я помогу вам

надеть придворный туалет.

— А девушки с этим ответственным заданием не справятся? — озадачилась я.

— О, мадам! — обиделся кутюрье. — Но автору же лучше знать, как уложить складки и затянуть корсет! Да и общее видение...

— Хорошо, — вздохнула я, — присутствие персонала и портного еще как-то можно оправдать. Но!

Подняла палец вверх, и все послушно за ним проследили.

— Зачем здесь он? — Я невежливо, но ясно указала на мужчину в кресле, который до этого момента сидел затаившись и, кажется, даже не дышал, убедительно прикидываясь деталью мебелировки.

Когда четыре пары глаз уставились на него пристально, господин расстроено крикнул и поманил к себе хозяина ателье. Тот качнулся к нему, они зашептались, а я провела ладонью по пышной юбке, пытаюсь определить ткань. И по виду, и по ощущениям было похоже на атлас, такая же гладкая и глянцево-сверкающая поверхность.

— Мадам, — кашлянул у меня над ухом портной Откутюр, — господин просит разрешения присутствовать при примерке в обмен на оплату трети стоимости платья в случае, если оно вам подойдет.

Смысл оферты дошел до меня не сразу.

— Это он хочет посмотреть на меня голую за деньги? — моргнув, уточнила дотошно.

Потенциальный инвестор зашелся в удушливом кашле, а кутюрье в очередной раз красиво переплел руки в экспрессивном жесте.

— Ах, не на голую, мадам, — пробормотал он, — на вас же будет нижнее белье...

Тут клиент кашлянул дважды, уже намеренно, и господин Откутюр услужливо метнулся к нему, подставив ухо.

— Но если вы готовы на озвученный вами вариант, — начал он через минуту, — то платье не будет вам стоить ничего.

— Нет, не готова. — В денежных средствах я не стеснена, а забрать из этого мира наличность все равно не смогу, так какой смысл экономить?

Оба мужчины крайне разочарованно вздохнули, что натолкнуло меня на мысль, что и портной был бы не прочь за чужие деньги увидеть мою красоту в максимально полном объеме. Может, я зря сомневалась в его ориентации? Или это он чисто для творческого вдохновения?

— Тогда вернемся к первому предложению, — с легкой грустинкой продолжил вести деловые переговоры кутюрье.

— Отрицательно, — покачала я головой и сделала нетерпеливый приглашающий жест, предлагая лишним покинуть помещение.

— Мадам, — кутюрье перешел на горячий шепот, — вы знаете, кто этот человек?

— Нет, — равнодушно равнодушно ответила я.

— Примите его предложение, — уговаривал Откутюр, —

вам и в будущем покровительство пригодится...

Смерила мужчину в кресле продолжительным взглядом. Не то чтобы имела что-то против него лично, но захотелось поупрямиться, как и полагается столичным красавицам. Ну а когда еще доведется?

— И не просите. — Отвернулась демонстративно и задра-
ла нос повыше.

Клиент сделал какой-то знак, и кутюрье чутко на него сре-
агировал:

— Половина. Половина стоимости платья. Господин не
будет мешать, просто тихо посидит в кресле... Ах, мадам, это
очень хорошая сумма! Платье стоит безумно дорого.

В ответ на это я резко развернулась к кутюрье с едва сдер-
живаемым негодованием.

— Безумно дорого?! — спросила зазвеневшим от эмо-
ций голосом. — А разве вы, господин Откутюрь, не собирае-
тесь мне сделать приличную скидку? А лучше так и вообще
отдать платье даром в благодарность за рекламу?

Нет, средства-то у меня есть, но вот заело как-то: неужели
кутюрье противится моему гипнотическому обаянию? О ка-
кой-то Попагранд не смел и мечтать, а я чем, спрашивается,
хуже?

Портной переменился в лице, взгляд его заметался и...
драматично зацепился за зону декольте.

— Конечно, мадам, — судорожно выдохнул Откутюрь, —
сделаю скидку... неплохую... хорошую скидку... ах, но сама

ткань очень модная и ценная! А золотое шитье?! Большую скидку дам... очень... но... но четыре месяца работы!

При каждом бормотании иномирец перебежал несчастными смятенными глазами со своего творения на меня и обратно.

Я с отстраненным, если не сказать научным аналитическим, интересом наблюдала за его внутренней борьбой. Неужели все-таки кутюрье «голубой»? Или довольно закрытое скромное платье гасит исходящие от даров Богини эманации? Визуальный эффект, получается, самый сильный, да? В том, что господин Откутюр обладает внушительным магическим даром, помогающим ему сопротивляться мести Богини, я как-то сомневалась. Нахмурилась задумчиво. Надо будет вернуться к обсуждению цены, когда буду в придворном туалете лососевого... хм, эйдерхазового цвета. Очень хочется узнать о моем оружии массового поражения побольше.

Клиент ателье взволнованно поднялся с кресла и подошел ко мне, решив больше не доверять переговоры посреднику.

— Я заплачу за платье, — хрипловатым, но приятным голосом пообещал он, — и за каждую вещь, которую вы надеваете в моем присутствии.

Ха, однако! Перед внутренним взором игриво промелькнули бирюзовые штанишки, и я хихикнула им вслед.

— Не сомневайтесь, мадам, — некстати встрял портной Откутюр, многозначительно понизив голос, — господин

очень даже платежеспособен.

— А я, по-вашему, нет?! — тут же взвилась уязвленно и доходчиво им так на дверь, то есть шторку, указала.

Состоятельный иномирец попытался оттеснить портного от меня в сторону:

— Мадам, прошу вас...

— Не просите.

— Умоляю...

— Не умоляйте.

— Но я хочу...

— Не смейте!

— Дайте хоть распустить вам шнуровку! — с отчаянием воскликнул мужчина.

— Ни за что!

— И правильно, — снова влез, и снова некстати, господин Откутюр, — я сделаю это сам.

— Да сколько можно?! — взревела я. — Вон отсюда оба, или уйду я и куплю себе платье в другом месте!

То ли сработало зверское выражение лица, то ли разгневанно вздымающиеся дары Богини придали убедительности, но мужчины, жалобно причитая, поспешно покинули примерочную.

— И дверь закройте! — крикнула вдогонку.

Поморщилась и исправилась:

— В смысле, штору задерните. Да не наполовину, а полностью!

Вздохнула утомленно и заметила, как прячет иронично-удовлетворенную улыбку одна из девушек, а вторая шепчет:

— Слава Богине.

Исторгла еще один вздох. Видимо, как бы я ни поступила, это дает в этом мире резонанс. Причем задействованы и мужчины и женщины, но по-своему. А ведь я в отпуске. И, возможно, в этом мире нахожусь нелегально. Я впервые задумалась, а не станет ли моя неоспоримая заметность препоной к спокойному, полноценному отдыху и не доставит ли больше хлопот, чем удовольствия?

Впрочем, всякая озабоченность покинула меня, стоило только взглянуть на отражение в зеркале. Цвет, может, и хитовый в этой реальности, но явно не в нашей, фасон откровенно старомодный, и юбка в своей чрезмерной пышности даже нелепа, но вот смотрю я на себя и чувствую, как сами собой расползаются губы в счастливой очарованной улыбке, а сердце переполняется восхитительной легкостью. С чего бы это? А, вспомнила. Мечта детства. Альда Принцессина.

— Мадам, вы неотразимы! — восторженно выдохнула одна из прислужниц, а вторая ожидаемо подтвердила:

— Слава Богине.

Да, подумала я с глубоким удовлетворением, вот и еще один плюс попадан-путешествия, который следует обязательно отразить в отчете: возможность побыть сказочной принцессой и не почувствовать себя при этом глупо. Взять

в аренду или даже сшить роскошное длинное платье по старинным выкройкам можно и у нас дома, но это будет маскарад, и удовольствие тоже будет... не вполне настоящим, что ли. Наигранным. Придуманным. А здесь... здесь это смотрится аутентично и гармонично, и от этого испытываемые ощущения гораздо ярче и подлиннее.

Ну вот я и принцесса. Вся такая в розовом и золотом. Может, я слегка с реализацией детской мечты подзадержалась, но, как гласит народная мудрость, лучше поздно, чем никогда.

— В главном зале у нас тройное зеркало, не желаете ли взглянуть? — любезно предложила одна из девушек, а вторая тихой скороговоркой произнесла, когда я уже направлялась к шторке:

— Мадам, позвольте высказать вам свое глубокое уважение.

Эти слова привлекли внимание и заставили остановиться: ведь если к восхищению в этой реальности я привыкла, то чем можно было успеть заслужить уважение?

— Мало кто рискнет отказаться от покровительства виконта дер Гордон-Шарт, — сказала девушка и пояснила, заметив мой вопросительный взгляд: — Это господин, что ждет вас вместе с владельцем ателье.

— А что с ним не так? — не поняла я. — Мне он казался вполне симпатичным и адекватным.

Это если опустить шаловливую склонность к подглядыва-

нию за красивыми дамами, что в мире без интернета и со скудной развлекательной программой можно считать извинительной слабостью. К тому же он заявил о своих намерениях открыто, обозначив актуальную для данной реальности цену.

— Не принято, чтобы незамужние женщины отказывались от покровительства столь знатных особ, да и мужчин вообще, — присоединилась к обсуждению первая и тоже шепотом, — а ведь на вас нет брачного клейма.

— Метка могла бы быть спрятана под нижним бельем, хотя мужья предпочитают ее ставить на видное место, — подхватила вторая, — но и в вашем запахе, мадам, я не уловила нужного компонента.

Ой, мамочки! У меня одеревенело лицо. Совсем упустила из виду местные особенности! Этак во мне опять скоро наиле распознают или вообще нелегальную попаданку, и прощай все надежды на полноценный качественный отдых! Так, значит, первое: близко к себе никого не подпускать, чтобы обнюхать хорошенько не смогли, второе: купить духи с убойным запахом, и третье, на крайний случай: обратиться к Дитриху с просьбой обновить его ольфакторную маскировку, похоже, она начинает таять. Ну и хм... Качнулась с пятки на носок, обдумывая пришедшую в голову спасительную мысль. Есть еще и четвертое: обзавестись любовником, и настолько высокопоставленным, чтобы никто ко мне и сунуться не посмел. Последний вариант как раз соответствует пла-

нам на отпуск.

Девушки заглянули в мое напряженное лицо, и одна из них, истолковав его выражение превратно, с сочувствующим пониманием произнесла:

— Теперь вы вспомнили, мадам, да? Дело даже не в вилленте дер Гордон-Шарт, а в его брате.

Хм. Трудно вспомнить то, чего не знаешь. Я сделала легкое неопределенное движение бровями, которое можно было трактовать как угодно в зависимости от желания собеседниц.

— Сам Великий приор Темного ордена, — вздохнула прислужница слева, боязливо покосившись на пока еще задернутую штору.

— Злые времена закончились сто лет назад, — подхватила девушка справа, — но память о них жива, как и некоторые традиции темной магии. И Великий приор с приверженцами Темного бога хранит их.

— Об этом поподробнее, — попросила я, усмотрев возможность получше сориентироваться в ситуации. В общем-то в моей реальности кто проинформирован, тот и вооружен. — Я впервые в столице.

— Культ Богини восстановлен. — Мои добровольные информаторы заговорили поочередно. — Главное средоточие силы — это Храм. Храм Темного бога отстоит от столицы не так уж далеко, почти в предместье, тогда как Храм Богини с ее истинными дочерьми сокрыт где-то на севере, среди

древних развалин и непроходимых лесов.

— Так уж получилось, — развела руками одна из девушек.

Ну, это понятно. Насколько я помню из предыдущих рассказов, на магичек и просто симпатичных женщин были гонения, поэтому логично, что они спрятались там, где их трудно было найти. А вот темным магам прятаться было не надо, и они построили свою основную резиденцию поближе к столице. А когда все закончилось, решили, видимо, все оставить как есть.

— Святилища Богини разбросаны по всей стране, но вот про ее Храм больше легенд, чем точных сведений.

— После восстановления равновесия многие святилища Темного бога закрыли, но главный Храм остался там, где и был.

— Это равновесие — скорее условное, — дернула плечом прислужница, стоявшая справа, — и я иногда ворочаюсь без сна, думая, что урочище Темного бога и его последователи находятся так близко от столицы.

Хотела было спросить, почему после победы всех темных магов не ликвидировали подчистую, а Храм не разрушили до основания, ну, как у нас, на Земле, принято, где каждая новая власть старается полностью уничтожить всякое напоминание о предыдущей, стирая и перевирая и плохое, и хорошее. Но, коротко подумав, решила, что знаю ответ: в мире, где так уверенно доминируют мужчины, не может быть

стопроцентного культа женского божества, а иначе бабы во власть полезут. Так что обязательно нужен противовес: настоящий суровый мужик, Темный бог. Ну и, может, этот мир оказался цивилизованнее нашего и просто проявил толерантность, позволив сосуществовать двум культам одновременно, уравнивая один другой? Не знаю, не знаю. Чужой мир — потемки. Главное, чем это грозит лично мне? И не скажется ли, упаси Богиня, на продуктивности моего выстраданного отпуска?

— Великий приор гордится, что в его роду был сам темный маг Аттард, именем которого до сих пор пугают непослушных девочек, — выдала еще порцию сведений девушка, стоявшая слева, а та, что и затеяла весь этот разговор, подытожила:

— Насколько известно, братья мало общаются: виконт ведет светский образ жизни в столице, приор сосредоточен на духовной и магической в Храме. Но ни одна женщина не рискнет бросить вызов мужчине из рода дер Гордон, и тем более служителю Темного бога.

— Мадам, вы такая храбрая! — восхищенно всхлипнули обе.

Э-э-э... хм. Строго говоря, отказала я не высокопоставленному служителю. Не побежит же виконт жаловаться и ябедничать брату? Даже в моем мире мужчины не поступают так мелко. Или мне просто до сих пор везло?

В любом случае я привыкла решать реальные проблемы, а

не тревожиться из-за гипотетических. Так что тряхнула головой, упрямо отменяя все переживания, и подала девушкам знак отдернуть штору. Надо все-таки взглянуть на себя в тройное зеркало, а то я за этими историческими разговорами до него никак не дойду.

Мое торжественное шествие сопровождалась новой порцией восторженных охов и ахов, что в общем-то было ожидаемо, но вызвало ласковую полуулыбку. Пустячок, конечно, это всеобщее обожание, но приятно.

Господин Откутюр скакал вокруг меня, то и дело заламывая и переплетая верхние конечности в сложных композициях, и экзальтированно восклицал:

— Восхитительно! Неотразимо! Божественно! Вы выглядите непревзойденно, мадам! Вы вдохновляете меня на новую коллекцию! О, я уже вижу свои будущие шедевры!

— Любые платья на мадам будут смотреться шедеврами, — галантно вклинился виконт дер Гордон, подтверждая свою репутацию светского человека, и я улыбнулась ему благосклонно.

— Несомненно! — пылко подхватил кутюрье. — Мадам, я стану вашим личным портным! Я лично, и никто другой, буду снимать с вас мерки, взирая на щедрую вашу красоту и едва ее касаясь с благоговением!

И его лицо приобрело возвышенное поэтическое выражение. Ну, видно, весь в мечтах. Хмыкнула снисходительно. Не пойму только, отчего такой экстаз: это потому что он пред-

ставляет меня в одной сорочке или действительно высокая мода так и поперла, мной спровоцированная?

— Мадам. — Виконт дер Гордон-Шарт приблизился и взволнованно произнес: — Я с удовольствием стану вашим постоянным покровителем.

Покосилась на него изучающе: нормальный мужчина, ухоженный, лицо симпатичное и, если бы не падающий на него отсвет даров Богини, даже неглупое, богат и, как мне недавно донесли, обладает хорошими связями в столице и родственниками, которых лучше иметь в друзьях. Чем не отпусковой вариант? Не так чтобы сразу и серьезно, но встретиться, узнать друг друга поближе? Правда, я собиралась поискать кого-нибудь на королевском приеме...

Отвела глаза в задумчивости и... едва не поперхнулась, наткнувшись на уставленные на меня в упор, немигающие взгляды обеих прислужниц. Ой, мамочки! Что ж они сверлят меня так прицельно? Кажись, даже дыхание затаили в ожидании.

— Нет, — сказала я быстрее, чем дала себе в этом отчет.

Виконт изумился. Господин Откутюр поразился, и откровенный шок потеснил поэтику на его лице. Обе девушки выдохнули долго и протяжно и обожгли меня беспредельным обожанием, заплескавшимся в их похожих темных глазах. Вряд ли они были настроены против виконта лично, скорее, это вопросы идеологии и общего мироустройства, но мой ответ был важен для них.

— Мадам, я не назвал себя, — прокашлявшись, начал дер Гордон-Шарт, но я его остановила:

— Нет, виконт. Я знаю, кто вы, и мой ответ «нет».

Взглянула на него и, не найдя следов упертой фанатичности, приписываемой его брату, добавила, культурно смягчая отказ:

— Благодарю за предложение.

Повисла пауза. Мужчины пытались справиться с потрясением, девушки старались спрятать торжество, я непринужденно любовалась собой в зеркалах. Подумала вскользь: а не выпала ли на минуточку из образа? Ведь то, что снисходительно простят дураку, не спустят умному человеку, а здесь к тому же мужчины к отказам не привыкли. В общем-то быть глупой очень удобно и выгодно, можно безнаказанно позволить себе то, что неглупый позволить себе не может. Вон, хамила же я от души Первой Ищейке Королевства целую неделю и ничего, расстались добрыми друзьями. А если бы он заподозрил, что это я развлекаюсь? Вот то-то. Так что... продолжим наслаждаться ролью всепобеждающей мадам, без пяти минут герцогини.

— Вы же понимаете, виконт дер Кондом-Шар... — заговорила капризно.

— Дер Гордон-Шарт, — поправил меня мужчина.

— А какая разница? — удивилась я. — Все равно самая красивая дама столицы, которой я несомненно являюсь...

Я бросила контрольный угрожающий взгляд на портного

Откутюра: пусть только посмеет вспомнить про свою Попагранд! Что за дурацкая фамилия, кстати? По крайней мере, по аналогиям с моей реальностью.

— Да-да, мадам! Безусловно, вы! — бешено закивал тот, и я удовлетворенно продолжила:

— ...не может согласиться на первое же сделанное ей предложение.

Я прервалась, честно собираясь откорректировать озвученное порядковое числительное. Нет, похожее предложение даже в этой реальности было явно не первым, но вот каким?! Ой, замучаешься подсчитывать, я же в отпуске, долой всякую калькуляцию!

— В общем, — повернулась к виконту, — подайте заявку, обоснуйте, я внесу вас в список, объявим тендер, там посмотрим...

Я замолчала, оглядывая зал. К этому моменту публики в нем существенно прибавилось: вышли клиентка и мастерица из соседней примерочной, подтянулись еще какие-то люди, видимо сотрудники ателье. Окинула их взглядом и невольно вздохнула. Ну, судя по количеству, здесь собрался весь штат заведения, если еще и из соседних домов жильцов не позвали.

И все, как один, следили за мной заворуженно. Я для тестирования качнулась вперед, все повторили, отшатнулась назад — все снова двинулись синхронно.

Я подергала за рукав господина Откутюра, переводя его

зачарованное внимание на свое лицо, и вздохнула обреченно:

— К этому платью нужен съемный воротник.

* * *

Пока просторный и удобный (по меркам этой реальности) экипаж вез нас к королевскому дворцу, каждый из троицы молчаливо занимался своим делом: граф горделиво любовался мной и дочерью, Сесилия нервничала, а я улыбалась, вспоминая необычное предложение господина Откутюра, сделанное в мой последний визит в его ателье.

— Мадам, — многозначительно понизив голос, сказал он, вручая красиво упакованные воротник к вечернему туалету и пару платьев попроще, — ваша красота — источник неиссякаемого вдохновения, часть которого я уже начал реализовывать в новой коллекции. Лучшие наряды из нее пойдут, разумеется, вам.

— Разумеется, — согласилась рассеянно.

— Мы, творческие люди столицы и просто искренние почитатели прекрасного, объединены в закрытый клуб, который с удовольствием бы организовал для вас серию экспозиций и вернисажей.

Поскольку я молчала, кутюрье поспешно добавил:

— Восемьдесят процентов собранных средств вам, мадам, десять — пятнадцать на аренду лучших дворцово-музейных помещений и оставшиеся деньги на прохладительные напитки.

ки и доходы организаторам.

И поскольку я продолжала держать паузу, Откутюр воскликнул с тревогой:

— Девяносто! Девяносто процентов вам. Я готов работать бесплатно, из любви к искусству, да и среди поклонников и поклонниц первозданной красоты, не тронутой печальным наследием Темных времен, найдутся достаточно состоятельные, чтобы предоставить свои дома для вернисажей безвозмездно, исключительно из радости поделиться вдохновением с миром.

Ну... хм. Я покачнулась. Скорее от усилия вместить масштаб нарисованной картины в свой, как неожиданно оказалось, скромный и неподготовленный мозг, чем демонстрируя поощрительную заинтересованность, но господин Откутюр приободрился и зачастил, воодушевленно расписывая подробности.

Гм. Хм и еще раз хм. Я позволила кутюрье несколько минут с упоением побарахтаться в своих мечтах и меня побарахтать заодно. Воображение, заскучавшее было в последние три дня в размеренном бессобытийном отдыхе у графа Грандер-Станта, расцвело буйным цветом, активно простимулированное сбивчивой огненной речью столичного кутюрье.

Э-э-э... И висят, значит, по всему городу рекламные афиши с моим именем... народ стекается, выстраивается очередь... Несмотря на огромное скопление людей, все ведут себя предельно интеллигентно: Откутюр говорил, что клуб за-

крытый, абы кто не сунется, да и вообще, культурное событие же.

И тут я. В качестве главного экспоната. Поднимаюсь посреди зала на возвышение-пьедестал и в звенящей тишине небрежно сбрасываю тунику... Вот тут вышла заминка. Никак не могла определиться, в какой именно степени будет происходить это важное действие. Сбрасываю ли ее полностью, подобно древнегреческим красавицам, не стыдящимся вдохновлять своим гармоничным телом античных поэтов и скульпторов, стягиваю до пояса или только дразняще припускаю с одного плеча? А, поняла! Это будет зависеть от стоимости входного билета.

Восхищенный народ курсирует по залу, останавливается напротив, набирается вдохновения, обменивается мнениями...

Мой придушенный полусмех-полукашель перебил увлеченные разглагольствования модного кутюрье.

— Господин Откутюр, — прокашляла я, — вынуждена отклонить ваше щедрое предложение.

Физиономия кутюрье расстроено вытянулась, и он принялся было меня убеждать, но я усиленно замотала головой. Промелькнувшая перед внутренним взором картина подходила скорее Зинаиде Петровне, чем мне, я... э-э-э... не настолько монументальна и величественно значительна в своей красоте. Нет, общая концепция была мне понятна, работают же девушки в нашем мире топ-моделями, и ничего, это

даже престижным считается. А тут ни фотографии, ни видеосъемки нет, изображений сохранить не могут, вот и приходится так... в натуральном виде. Но! Работать в законном отпуске?! Пусть даже и супермоделью? Ох нет, увольте. Да и планы на будущее у меня уже плотно связаны с посещением королевского приема. Так что мечты кутюрье я решительно развеяла, но воспоминание о них доставило несколько приятных минут шаловливого хихиканья, из-за которого я и упустила возросшее до предела напряжение в окружающей обстановке.

Перед самым выходом из кареты с Сесилией дер Грандер-Стант случилась форменная истерика: она отдернула занавеску, взгляделась в окошечко и вдруг начала задыхаться, трястись, нести какой-то маловразумительный бред типа: «А-а-а, я не смогу!» и «О-о, какие тут все!», при этом то отчаянно краснея, то так же стремительно и бесповоротно бледнея, и наотрез отказалась выбираться наружу.

Граф казался искренне расстроенным ее поведением.

— Мадам, простите, — счел нужным он извиниться за сцену, устроенную переволновавшейся девушкой, — слуги отвезут дочь обратно в особняк и вернутся за нами, чтобы ждать окончания приема. Мы же с вами посетим королевский дворец, не меняя планов.

Последнее он произнес тоном близким к назидательному, отчего девушка пристыженно забилась в самый угол.

Дверца отворилась: это один из лакеев, спрыгнув с запя-

ток экипажа, услужливо распахнул ее. Граф, демонстративно не глядя на дочь, последовал на выход, а я элегантно положила ему ладонь на локоть, попросив негромко:

— Дайте нам пять минут.

И, чтобы он не вспомнил, что является главой семьи, к которой я, собственно, не имею равным счетом никакого отношения, добавила проверенное:

— Фридрих.

О, он тут же завис, и всякое недовольство или огорчение бесследно испарилось с его лица. Моргнул через пару мгновений растерянно и с кротким кивком поспешно отвел глаза. Перед тем как дверца за ним закрылась, я заметила в вечернем леомарском освещении затеплившийся на щеках графа фамильный румянец. Хмыкнула удовлетворенно, порадовавшись, что кроме бюста могу управляться с дер Грандер-Стантом обращением по имени. Тоже могучую силу имеет, как оказалось. Не выяснила только: это общее свойство данной реальности или графские индивидуальные особенности? Дитрих вроде так при звуках своего имени не та-ял...

Отогнала ненужное лирическое воспоминание и обратила свой взор на девушку напротив.

— Сесилия, в чем проблема?

— Ах, мадам, мне очень стыдно... — сконфуженно забор-мотала она.

— Ближе к сути, — нахмурилась я.

— Вы видели входящих во дворец дам? — воскликнула девушка, и я любознательно выглянула в окошко.

— Да, — подтвердила, — и что?

— Они такие блистательные и держатся уверенно!

— Уверенность приходит с опытом, который вам, Сесилия, пора уже начать получать, — намекнула прозрачно я и окинула девушку оценивающим взглядом. — Заверю, что вы ничем им не уступаете. Или вам не по вкусу ваше платье?

— Ох нет, мадам, платье прекрасное...

— Хорошо, что вы это понимаете, — заметила многозначительно, — потому что я выбирала его для вас лично и продуманно.

— Благодарю вас, но... — Графиня издала серию коротких вздохов, которые я со всем терпением переждала. Потому что прав был начальник конкурирующего отдела: у меня в подчинении одни бабы, а это предполагает определенную специфику в жизни трудового коллектива.

— Не представляю, как осмелюсь показаться на глаза всем этим дамам и господам, — наконец сформулировала суть проблемы юная графиня. — Все сразу увидят, что я неловкая и не умею держаться, будут обсуждать, смеяться уткой, жалеть...

— Пусть попробуют, — пренебрежительно фыркнула я и любезно предложила: — Хотите, я в начале вечера побуду рядом с вами?

Не весь прием, разумеется, у меня на него далеко иду-

щие планы, но немного поддержать дебютантку — почему бы нет?

— Ах, мадам, но я буду выглядеть еще более жалкой на вашем блистательном фоне! — экспрессивно воскликнула Сесилия, и я изогнула левую бровь, поинтересовавшись с прохладцей:

— С чего бы мне служить вам фоном, пусть и блистательным?

— Простите! — искренне расстроилась девушка. — Я имела в виду, что сравнение с любой из этих дам будет совсем не в мою пользу, а уж с вами — тем более!

— А кто и зачем будет сравнивать? — поразились я.

— Ну как же... — растерялась графиня, — все... наверное. И я. Я же все вижу!

— Вы?! — Я шокированно распахнула глаза.

О, как все запущено!

Наклонилась чуток вперед и произнесла негромко, но отчетливо:

— Запомните, Сесилия, никогда не сравнивайте себя с другими людьми. Это категорически противопоказано для нормальной самооценки и вообще имеет мало смысла. Не соревнуйтесь с другими, только с самой собой. А сегодняшняя вы намного лучше той, что недавно лежала трупом в постели, и той, что и думать не могла, чтобы надеть это прекрасное платье и отправиться на прием. Вы добились успеха, Сесилия. Закрепите его.

Девушка завороченно молчала, поедая меня глазами, и я продолжила:

— И только тогда, когда вас не смогут лишить равновесия ни самая унижительная злоба, ни сладкая изысканная лесть, вы можете поиграть в конкуренцию. Тут главное осознавать, что это игра, и не слишком увлекаться ею.

Я окинула застывшую хрупкую фигурку взглядом и была вынуждена признать:

— Но вам это рановато. Пока просто постарайтесь обойтись без сравнений, договорились?

Девушка кивнула, и я спросила:

— Мы выходим или вы предпочтете вернуться домой?

Хотелось, конечно, высказаться порезче: типа забиться под кровать или что-то такое, но... девчонка же из другой реальности, да еще потомственная графиня, наверняка растение оранжерейное.

— Ах, мадам, — снова завела Сесилия, и я, если честно, едва не застонала: ну что там еще? — Я стесняюсь. Это платье... не для меня. Я же... — она стыдливо повесила голову, — некрасивая. Мне и показать-то нечего...

Я со всем удовольствием дала сильный пинок графу дер Грандер-Станту. В силу обстоятельств — мысленный. Он, похоже, воспитанием дочери вообще не занимался, а я тут за пять минут должна наверстать упущенное?! Да еще в законном отпуске?

— Вы опять сравниваете. С кем-то или чем-то: други-

ми дамами, общепринятыми стандартами, чьими-то вкусами, — с налетом утомления поморщилась я. — Вы это вы, Сесилия. Второй такой нет, вы уникальны. И вы красивы. В конце концов... — дернула плечом, — женщина — это не только шикарный волнующий бюст, но и много чего еще.

— Мадам, — девушка не сводила с меня огромных глаз, влажно поблескивающих в свете леомара, — но это платье... слишком смелое... я такие никогда не носила, я не смогу...

Благожелательное терпение удавалось сохранять уже только невероятным усилием воли, отточенной в бесконечных обучающих семинарах новых сотрудниц. Эк ее мотает, однако: то боюсь, что меня не заметят, то заметят, но негативно, то вообще не хочу привлекать к себе внимания, но если не привлеку — то смертельно обижусь.

— Нормальное платье для торжественного приема, — хмыкнула я, — вы же видели, все дамы носят открытые.

— Но на вас пелерина, — упрямо возразила графиня.

Так у меня и прятать больше нужно, едва не заявила откровенно, но пощадила и так побитую самооценку иномирянки.

— Я ее потом обязательно сниму, — заверила, добавив мысленно: как только определюсь с подходящей жертвой. То есть высоким покровителем.

Стукнула в дверь, подавая сигнал графу дер Грандер-Станту ее открыть.

— Вы уходите, мадам?! — жалобно пискнула Сесилия.

— Разумеется, — подтвердила.

— А... как же я?

— Выбор за вами, — бросила я через плечо. — Но перед тем, как решить, возьмите сверток с моей скамьи.

— Воротник?! Здесь съемный воротник для моего наряда? — изумленно прошептала Сесилия. — Мадам, но как вы...

Дослушивать изумленные восклицания не стала: все от меня зависящее для устранения накладки я сделала, а окончательное решение и в самом деле за совершеннолетней девушкой. Так что я подала руку графу и с максимальным изяществом, отягощенным пышными длинными юбками, выбралась из кареты.

Остановилась неподалеку, дожидаясь Сесилию, которая рискнула последовать за мной, нацепив-таки страховочный воротник, и улыбнулась с глубоким моральным удовлетворением. Настоящий королевский дворец в праздничном освещении. Долгожданная отвязная вечеринка. Светский раут. Может, даже дискотека, в смысле, бал. В общем, массовое вечернее развлекательное мероприятие — обязательный пункт любого отпуска.

Так что я в сопровождении дер Грандер-Стантов с большим энтузиазмом устремила к роскошному фасаду со скульптурными композициями и колоннами, которые у нас бы назвали тосканскими. Споткнулась на мгновение, заглядевшись на выгодно подчеркнутый леомарами рельеф на

главном балконе: величественная пышнотелая дама возлагает корону на голову коленопреклоненного мужчины, заметно уступающего ей в размерах. Судя по полновесности женской красоты и дежурному одеянию — недлинному куску ткани вокруг бедер, — местную монархическую династию благословила сама Богиня. За плечом красавицы маячил Темный бог — далеко не такой значительный и выпуклый, но все-таки в событии упомянутый и свою порцию уважения получивший.

Движуха началась еще на парадной лестнице: графа узнавали, здоровались, окидывали нашу троицу взглядами, которые в зависимости от воспитания и положения варьировались от доброжелательно-любопытных до критически оценивающих. Я ожидаемо взбодрилась, предвкушая насыщенный вечер. Сесилия снова занервничала, вцепившись побелевшими пальцами в пелеринку.

— Перестаньте теребить воротник, — вполголоса посоветовала я, — это не подходит знатной даме на приеме. Лучше его вообще снимите, видите же, что большинство женщин прекрасно обходится без них.

И в самом деле: консервативно укрытыми пелеринами кроме нас с графиней были только дамы в приличном возрасте и еще одна молодая светловолосая женщина, видно, сильно замужняя. Показалось или нет, но оттого на нас с девушкой стали посматривать снисходительно и с умеренным светскими манерами пренебрежением, как на отсталых про-

винциалок или на несчастных, обделенных женской красотой даже по скромным меркам этой реальности. Полагаю, что подобному отношению способствовала и зависть к нашим дорогим и броским, несмотря на закрытость, нарядам.

— Ах, я не смогу... — прошептала умирающим голосом Сесилия.

Уточнять, что именно она не сможет — удержаться от мусоления воротника, снять его или стоически продержаться этот вечер, я не стала, отметив с мимолетной печалью, что все успехи от моих воспитательных бесед носили кратковременный характер. Ну, поразмыслила критически, реальность-то другая, значит, и подход надо сменить.

— Вы верите в Богиню? — спросила строго, вдохновленная рельефом на фасаде.

— Конечно, мадам, всем сердцем! — пылко воскликнула девушка, от неожиданности вопроса передумав падать в обморок и даже к папе своему жаться перестала. — А как это связано с... — она стыдливо зарделась, — моей откровенной некрасивостью?

— Такой, как вы есть, вас сотворила Богиня. Рискнете заявить, что она недоработала, схалтурив? Выставьте претензию за допущенный брак? Если уж сама Богиня посчитала вас достойным творением, дав жизнь, то как смее вы, простая смертная, перечить ей? Кто вы такая, чтобы сомневаться в ее мудрости? Как можете унижать себя и оскорблять ее, критикуя божественную работу? — распалилась я не на

шутку.

— Ах, мадам, я и не думала...

— Так подумайте, — посоветовала я и отвернулась, отловив общее волнение человеческой массы. — Что там? — спросила у графа, и тот, оценив обстановку, ответил:

— Прибыли признанные красавицы столицы во главе с мадам дер Попагранд.

К этому моменту мы достигли анфилады комнат и, не задержавшись в первой, забитой практически под завязку приглашенными, проследовали во вторую, которая порадовала наличием столов с напитками и приставленной к ним прислуги.

Почти сразу же после пояснения графа в комнату вошла стайка женщин, перед которыми все почтительно расступались, сопровождая их продвижение сдавленными вздохами, попеременно то восхищенными, то завистливыми. Дамы, которые до этого смотрели на нас с Сесилией свысока, разом потерялись и померкли. Одна из красавиц бросила на них высокомерно-насмешливый взгляд, и те, смешавшись, покорно и печально отступили к самым стенам.

Я едва не рассмеялась. Нет, ну все как и в нашем мире! Нормальный гадючник, как и в любом большом коллективе, где отношения замешены на конкуренции, не всегда здоровой. Приободрилась, почувствовав упоительное предвкушение борьбы, и, шагнув вперед, внимательно вгляделась в мадам дер Попагранд.

Э-э... хм. И гм. И снова хм. Ну, я так не играю. Первая красавица столицы походила на... лошадь. Нет, бюст у нее был, и в отличие от графини Сесилии показывать его она не стеснялась, буквально вываливая на окружающих из открытого декольте, но вот все остальное... Я расстроилась. Seriously. Мадам была высока ростом и широка в кости, а вытянутое лицо довершало сходство с кобылой, причем не особо породистой, так, рабочих кровей. Интересно, мадам аристократка по происхождению или приобрела этот статус в браке? Как-то я дворянок представляла себе... хм, поизыщнее, что ли. В пышной взбитой прическе мадам красовалась пара ярких перьев, и это дополнение меня добило. Э-э-э... попробуем мыслить беспристрастно... перья — модный штрих, вон еще у трех дам они есть, но поменьше и менее лохматые... лицо у мадам не отвратительное, просто... не слишком красивое... а грудь и в самом деле хороша и... Ой, ну нет! Самоуговоры не помогали, не могу я на полном серьезе конкурировать с женщиной, напоминающей лошадь! Понимаю, что в этой реальности свои стандарты красоты, но мои-то мозги не переделать! Смотрю я на Попагранд и чувствую только стойкое недоумение.

Думаю, постигшее меня разочарование неприкрыто отразилось на лице, потому что проходившая мимо прелестница глянула на меня, и ее взгляд враз заледенел. За первой красавицей следовали еще три, не знаю уж, какие у них были порядковые номера, но при виде них я слегка оживилась. Слава

Богине! Одна из дам была постарше меня, грудью поменьше, но с лицом приятным, а вот похожая на нее девушка, предположительно дочь, была юна и прекрасна (как я это себе представляла), хоть и со скромными, но вполне узнаваемыми дарами Богини. Последняя чаровница была лет двадцати пяти — двадцати семи. Я улыбнулась с облегчением, почувствовав пробудившуюся жажду соревнования. Вот ведь совсем другое дело! А то без достойных соперниц и победа не так сладка. А у меня есть личный пунктик — неумолимо утекающие в прошлое годы — так что, будем считать, наши шансы более или менее равны: у девушек — молодость и немножко красоты, а у меня — природное обаяние и полновесный третий размер. И не сомневаюсь, я противненько хихикнула, что из этого однозначно перевесит.

Улыбнулась красавицам по-доброму, любимой улыбкой нашего управления, и показалось или нет, но все четверо невольно содрогнулись и поспешили пройти в следующую комнату. Эй, куда это они?

Я рванулась следом, граф и Сесилия едва за мной поспевали.

— Мадам, в ту комнату без приглашения не входят, — приглушенно предупредил дер Грандер-Стант, не решаясь, однако, фамильярно схватить меня за руку.

— Попагранд же зашла? Значит, и нам можно, — невозмутимо заявила я, не интересуясь, имелись ли у местных красоток какие-либо привилегии в плане посещения двор-

цовых помещений.

Так что мы втроем (я и Грандер-Станты прицепом) тоже перекочевали в условно запретную комнату, где я с удовольствием огляделась: народу здесь было на порядок меньше, дышалось и прогуливалось легче и приятнее, убранство радовало большей роскошью, а напитки... я прицельно всмотрелась... даже на вид казались дороже и качественнее.

— Меня эта комната вполне устраивает, — сообщила графу, чтобы не переживал.

Он что-то сдавленно крикнул, мимоходом покосившись на дальнюю стену. Я тоже туда глянула, толпы ведь никакой не было, присутствующие отлично просматривались. И у дальней стены, аккуратно возле бюста какой-то местной знаменитости (уточню, что имеется в виду жанр скульптурного изображения, а не всенародно любимая часть тела) стояла группа мужчин, к которой неизменно возвращались взгляды всех приглашенных. Особенно к тому, что стоял в центре и рассеянно кивал, попеременно слушая двух собеседников. Судя по сосредоточенным физиономиям говоривших, беседа была далека от праздной, скорее, какой-то доклад или правильно обоснованная просьба, а по откровенной скуке на лице слушавшего — тот ею уже явно тяготился.

Едва мы вошли, центровик бросил на меня быстрый любопытный взгляд и тут же его повторил, но уже с большим артистизмом: кокетливо стрельнул глазками из-под ресниц и сразу же контакт прервал, демонстративно потеряв всякий

интерес. При этом сделал какой-то жест, почти незаметный. Приказал охране нас не выпроваживать, позволяя остаться? Показалось или граф судорожно выдохнул с облегчением?

Комната была хоть и просторная, но все же не настолько, чтобы я не смогла более-менее рассмотреть мужчину, на котором так или иначе скрестились взгляды присутствующих. Правда, мадам дер Попагранд раз за разом неспешно дефилировала прямо передо мной, старательно привлекая к себе внимание троицы и затрудняя обзор.

Центровик усилия мадам оценил, улыбнулся с ласковой благосклонностью и тут же вопросительно скосил глаза на меня, проверяя, заметила ли я, как старается первая красавица столицы и как положительно он к этому относится. Ха, это что, предложение побороться?!

— Кто это? — спросила у графа.

Мужчина был очень даже недурен. Довольно высок, широкоплеч и крепок, темноволосый, как большинство встреченных мной иномирцев, и с золотисто-бронзовой кожей. Скорее, смуглый генетически, чем загорелый. Хотя, может, это я опять мыслю стандартами своей реальности, предполагая, что высшее дворянство по полям и весям не шастает и загорать не успевает. Вполне допустимо, что он много времени проводит на свежем воздухе, в военных походах, например, откуда мне знать. Главное, что на этой смуглой коже ярче и контрастнее смотрелись ясно-голубые глаза, очерченные угольно-черными ресницами, как подводкой. И эти

эффектные глаза превращали умеренно симпатичного мужчину в интересного красавчика, отвлекая внимание от тяжелой челюсти и смягчая общую резкость черт.

Полагаю, обладатель глаз был прекрасно осведомлен об их привлекательности, поскольку пользовался ими с отточенным многими годами мастерством, взмахами ресниц, движениями черных бровей и сериями взглядов от шаловливых стаккато до томных многозначительных легато поддерживая кокетливую игру сразу со всеми красотками столицы (из них несомненно выделяя мадам Попу) и как бы провоцируя меня. При этом он умудрялся формально присутствовать в беседе с двумя придворными, иногда кивая и роняя веское слово.

— Мадам, это король, — шепнул дер Грандер-Стант, подтверждая мои догадки, и дернулся так, словно только в последний момент удержался, чтобы не схватить меня за локоть, призывая говорить тише.

О! Какой очаровательный сюрприз! Я почувствовала, как расцветаю в довольной улыбке и шлю Клеопатре Львовне самые искренние пожелания доброго здоровья, а заславшему меня туроператору — успешного прибыльного бизнеса, потому что отчетливо поняла, как мне безумно, фантастически повезло. Вот оно, отпускное попаданское счастье — угодить в мир, где правитель еще молод, здоров, хорош собой и, судя по затеянным с дамами переглядкам, правильно сексуально ориентирован. Ведь самое простое и очевидное решение

обычно и самое правильное, так что мои поиски достойного покровителя не продлились и получаса — отличная экономия времени и энергии!

Я вздохнула с умилением и двинулась вперед.

— Альда! — Дер Грандер-Стант неожиданно дал петуха и забылся настолько, что назвал меня по имени. — К нему нельзя... вот так... это король!

Дернула плечом пренебрежительно. Ну король, ну и что? Амбициозность — качество, без которого в нашем управлении нет даже курьеров, что уж говорить о сотрудниках рангом повыше? Так что я шаг замедлять не стала, уверенно продвигаясь к группе у мраморного бюста и на ходу непринужденно ленту на воротнике развязывая. Граф с дочерью издали какие-то приглушенные звуки, но все же преданно последовали за мной.

По дороге пришлось потеснить мадам Попу, которой отчего-то именно в этот момент опять понадобилось пересечь комнату. Нет, я ее, разумеется, некультурно толкать не стала, так, очень интеллигентно оттерла бедром, одновременно снимая воротник и передавая его графу.

Конечно, мое стремительное и решительное приближение не осталось незамеченным: охрана напряглась, а троица прекратила беседовать и развернулась ко мне вопросительно. Но и всякие вопросы, и негодование по поводу грубого нарушения этикета, впрочем, как и вообще любое словесное выражение мыслей и эмоций, себя не реализовали, потому

что я предстала перед присутствующими во всей своей женской красоте.

Повисла краткая пауза, после которой пронесся всеобщий восхищенно-очарованный стон, дополненный хорошо различимым скрежетом зубов. Последний — откуда-то со стороны мадам дер Попагранд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.